

The background of the cover is a detailed illustration of a magical forest. A woman with long, flowing white hair and pointed ears, wearing a long red dress, stands on the left, her hand reaching out towards a man. The man, with brown hair, is seated on the right, playing a large, ornate harp that is integrated with a tree trunk. The forest floor is covered in moss and small, glowing blue lights. Sunlight filters through the trees, creating a misty, ethereal atmosphere.

КОРОЛЕВСКИЕ СОКОЛЫ

АЛАН ЧАРОИТ

ЧАША СУДЬБЫ

16+

Алан Чароит

Чаша судьбы

Серия «Королевские Соколы», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63863901
Алан Чароит. Королевские Соколы. Чаша судьбы: SelfPub;

Аннотация

Заключительная часть трилогии «Королевские Соколы», продолжение книг «Эльфийский подменыш» и «Время испытаний». Старый враг возвращается, и юные чародеи с мельницы оказываются втянуты в войну. Остаться в стороне не удастся ни эльфам, ни смертным, а пророчество, предрекавшее конец королевства людей, кажется, готово сбыться...

Содержание

Король-без-королевства	4
Глава первая	4
Глава вторая	34
Глава третья	52
Глава четвёртая	79
Глава пятая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Алан Чароит

Королевские соколы.

Чаша судьбы

Король-без-королевства

Глава первая

Незадолго до Йоля началась сильная метель. Всего за одну ночь весь Каэрлеон засыпало обильным снегом, какого в столице Объединённых Королевств не видывали уже много лет. Одно дело, когда едва заметные глазу снежинки кружатся в морозном воздухе и тают, едва долетев до земли, и совсем другое, когда даже по самым оживлённым улицам приходится шагать по колено в сугробах. На телегах и в каретах передвигаться стало и вовсе невозможно — только пешком.

Город обезлюдел. Мороз рисовал на окнах причудливые узоры, похожие на серебряные фейские леса. Когда воды реки Аск сковало льдом, Элмерик забеспокоился: а вдруг это чьё-то чародейство накрыло несчастный город? А кто у нас ледяной чародей? Конечно, Лисандр...

Но мастер Каллахан, выслушав его, пожал плечами:

– Это просто зима. Раз в сотню лет даже на юге выпадает снег...

Бард сразу успокоился. У них в Холмогорье зимы бывали не в пример суровее, чем в Каэрлеоне – особенно в горах.

Жаль, что йольская ярмарка так и не открылась: телеги с товарами увязли в снегу ещё на подъезде к столице, а площадь замело так, что деревянный помост и торговые ряды скрылись под пушистой белой шапкой. Так что в ближайшие дни солнечных леденцов и имбирных пряников можно было не ждать...

Элмерик очень расстроился: он всем сердцем жаждал предпраздничной суеты и даже заранее отложил денег на лакомства для себя и друзей. Но, похоже, его печаль разделяла одна лишь Розмари, охочая до пиров и танцев ничуть не меньше, чем бард. Тому же Джерри на йольские гуляния было наплевать, или же он умело делал вид. Поначалу Элмерик обманулся, считая, что Джеримэйну Каэрлеон пришёлся не по душе, пока не обнаружил того сидящим на крыше дома (ещё до начала снегопадов) и в немом восхищении взирающим на лазурную черепицу дворцовых башен и алые флаги с гербовыми королевскими коронами, реющие на фоне пасмурного неба. Так что уехать обратно в Чернолесье, чтобы зимовать там с мастером Патриком, Джерри больше не собирался.

Что творилось с праздничным настроением Келликейт, Элмерик понятия не имел. Та ещё до начала метели отбыла

во дворец по настоящему приглашению Его Величества (скорее всего, тому приспичило отыграться в фидхелл) и теперь не могла вернуться обратно. Орсон же вообще жил во дворце с самого их приезда в столицу, как и положено рыцарю короля, и бард, к своему стыду, давненько не интересовался, как у него дела.

Там же во дворце (вернее, в обширной дворцовой библиотеке) остался и мастер Флориан со своим ручным вороном и книгой, в которой был заперт призрак его сестры – чародейки Эллифлор. Его доставили туда на попечение лучших королевских лекарей после Зимней Битвы. Угроза жизни миновала, но Флориан был ещё слаб, и лекари запретили ему покидать дворец.

Прочих же Соколов, казалось, вообще не заботила непогода. Как, впрочем, и отсутствие праздничного настроения. Мартина и Шона бард видел только за столом во время обедов и ужинов. С Каллаханом же встречался ещё и во время уроков, но командир никогда не отличался словоохотливостью и говорить на посторонние темы, не относящиеся к учёбе, не желал. Мастер Дэррек опять был в отъезде (или, лучше сказать, «в отлёте»).

Элмериду было одиноко. Особняк, пожалованный Каллахану предками нынешнего короля, оказался воистину огромным: можно было часами бродить по коридорам и лестницам, но так никого и не встретить (в первые дни Элмерик постоянно опаздывал к обеду, потому что никак не мог отыс-

кать гостиную).

Горожане – все как один – называли дом Соколиным гнездом и всегда снимали шляпу и кланялись, проходя мимо парадной двери, чтобы отдать дань уважения лучшим чародеям королевства. Ходили слухи, что внутри Соколиное гнездо намного больше, чем снаружи (в этом бард сомневался), что по убранству и пышности особняк уступает лишь королевскому дворцу (это, возможно, было правдой), а многочисленные подземные ходы под Каэрлеоном не только соединяют дом с дворцом (что вряд ли, иначе с чего бы Соколам ездить к королю через улицу?), но даже имеют выход за пределы городских стен (это Элмерик собирался проверить, когда станет теплее).

Как и на мельнице, здесь не было слуг: хозяйством заправляли невидимые помощники-брауни. В обязанности барда теперь входило оставлять им ежедневное угощение на подоконнике с северной стороны дома и уходить не оборачиваясь. Он не знал, кто из Соколов занимался этим прежде, но новичку брауни сперва не обрадовались. Всю первую неделю они кидали Элмерiku в спину объедки, гаденько хихикая, но потом вроде привыкли.

Привык и сам Элмерик. К пустым гулким коридорам, к ночному холоду, пронизывающему до костей, к жаровне с углями под кроватью, к урокам, которые становились сложнее день ото дня. К тому, что наставник всё чаще переходил в объяснениях на эльфийский, и волей-неволей барду при-

ходилось учиться понимать этот язык. К усталости, от которой за обедом даже ложка в руке ходила ходуном, а сил хватало лишь на то, чтобы обменяться с такими же заморенными друзьями парой ничего не значащих фраз. Он привык к магии, которая теперь приятно покалывала ладони, стоило ему только взяться за арфу. Зато смотреть истинным зрением получалось уже сразу, а не после того, как со спины сойдёт семь потов, а глаза начнут слезиться от напряжения.

В целом Элмерик был даже доволен такой жизнью. Вот только праздника он ждал с нетерпением и, кажется, не дождался. Обидно было почти до слёз...

Уже после того, как началась метель, в Соколиное гнездо вернулся мастер Дэррек. Ему-то непогода была нипочём – обернулся себе в дракона и лети куда вздумается. Он успел как раз к ужину – и это было очень кстати. Появление улыбчивого толстяка разрядило угрюмую обстановку: ведь тот, по обыкновению, ел за троих и болтал без умолку.

– Ох, вы бы видели Браннана! – он насадил на нож солёный огурец. – Сам улыбается, а рожа – ки-и-ислая. И глаза аж молнии мечут – не в прямом смысле, конечно.

– Ты и при Неблагом дворе успел побывать? – в обычно ровном голосе Каллахана мелькнула заинтересованность. – Вроде же у Медб гостил.

– Я-то гостил, – Дэррек с хрустом надкусил огурец и вытер с подбородка сок. – Так и Браннан тоже. У них же вроде как мир теперь. Вот он и приехал, по-соседски. Не знаю, может, с

Олнуэн помириться хотел. Но та к нему даже не вышла. Зато я стал свидетелем прекраснейшей перепалки между королём и королевой. О, если бы вы могли слышать этот мёд речей!

– И кто кого? – Шон не удержался от тихого смешка.

Рыцарь Сентября по обыкновению ничего не ел и не пил, чтобы не снимать маску, скрывавшую лицо, но и к обеду, и к ужину являлся исправно.

– А ты бы на кого поставил? – Дэррек подался вперёд, потирая ладони, а Мартин тут же деланно возмутился:

– Эй-эй, полегче! Это я должен был предложить пари.

– Но ты не успел!

Толстяк потянулся было за последним огурцом в миске с соленьями, но Мартин ловко опередил его, а пальцы Дэррека лишь взбаламутили рассол.

– Теперь ты тоже не успел. Рассказывай, не томи!

Старый дракон поджал губы и сердито глянул из-под седых бровей. Впрочем, все и так знали, что дуться он будет не больше пары мгновений.

– Я бы сказал, у них с Медб счёт равный. Сперва она его там, у Врат отбрила: ну, это мы все видели. А будучи в гостях, Браннан решил отыгаться за прошлое и разошёлся так, что я даже удивился. Каллахан, с каких это пор твой братец стал таким злоязыким?

– Да он всегда таким был! – ответил вместо него Шон. – Нашёл, у кого спрашивать. Они оба хороши!

– Сейчас как разгневаюсь! – Каллахан стукнул пустым

кубком об стол.

По глазам было видно, что командир смеётся, хотя на лице не дрогнул ни один мускул, но Элмерик уже научился распознавать истинное настроение наставника по взгляду.

Дэррек, смеясь, наполнил до краёв кубок эльфа, орошая скатерть алыми винными каплями:

– На правду не обижаются! Или ты не помнишь, что будет, когда зима и лето сойдутся за одним столом?

Ответ, похоже, знали все, кроме Соколят.

– А что будет-та? – спросила за всех Розмари.

– На Бельтайн выпадет снег, а яблони в Йоль принесут плоды, – Дэррек улыбнулся, отряхивая густые бакенбарды от хлебных крошек. – Словом, ничего хорошего.

– Я всегда думал, что эта поговорка намекает на конец времён, – Джеримэйн скрипнул стулом, придвигаясь ближе. – Мол, всё пойдёт кувырком, не как заведено.

– Может, и так. А может, напротив, она говорит о невиданных прежде чудесах, о борьбе и единстве противоположностей или о выходе за рамки привычного понимания? Думаешь, не бывает таких миров, где летом идёт снег? Впрочем, есть и другой ответ, более простой. Тебе он больше понравится.

– Ну, это смотря какой ответ, – Джеримэйн пожал плечами.

Дэррек поднял палец и с очень серьёзным видом заявил:

– Когда за одним столом сойдутся зима и лето, то прочим

гостям достанутся вся выпивка и дичь, потому что эти двое начнут с упоением поносить друг друга, не замечая никого вокруг, пока совсем не выбьются из сил. И, скажу я вам, в этих делах королевы ничем не хуже королей – я имел честь убедиться в этом сам и даже узнал парочку новых крепких словечек.

– Не выдумывай, – фыркнул Мартин. – Ты знаешь их все.

– Значит, память уже не та. Старый стал: чешуя не такая блестящая, хвост облезает, голова подводит.

Дракон, конечно, прибеднялся. Элмерик прекрасно помнил, как выглядел этот смешной толстячок в истинной форме, и готов был поклясться, что тот находится в самом расцвете сил. Драконы ведь живут долго – даже дольше эльфов.

– Я одного не понимаю-та, – Розмари поплотнее закуталась в шаль, хотя сидела у самого камина. Её голос звучал хрипло – похоже было, что девушка всё-таки простудилась, ночуя одна в холодной комнате. – Вот есть зимний король – Браннан – и летний король – Каллахан. Есть летняя королева – Медб – а где же зимняя-та? Должна же быть ещё и зимняя-та королева?

Дэррек вмиг перестал улыбаться и посуровел. Он с опаской глянул на Каллахана, но тот и бровью не повёл, обсуждая что-то с Шоном. Может, и впрямь не услышал вопроса.

Тогда старый дракон, понизив голос, зашептал:

– Да есть она. Только давно её тут не видели.

Розмари хотела сказать что-то ещё, но осеклась, увидев,

как Дэррек хмурит седые брови. Беззвучно, одними губами он произнёс «потом расскажу», и девушка кивнула.

– Кстати, у Медб всё ещё одиннадцать рыцарей? Двенадцатый не появился? – продвинувшись ближе, Шон хлопнул мастера Дэррека по плечу.

– Не появился. Она всё ещё ждёт тебя или Мартина. Сказала, можно даже обоих сразу. Привет вам передавала. Велела всех поцеловать, только я, с вашего позволения, всё же не буду этого делать.

Элмерик не верил своим ушам: Рыцарь Сентября обычно избегал этого разговора – как раз после того, как прослужил королеве Медб добрую сотню лет. А тут вдруг сам начал. И явно для того, чтобы сменить тему. Что же такого натворила эта королева Зимы, что даже разговоры о Медб и то лучше?

Ответ на этот вопрос ему удалось узнать только весной, потому что наутро Дэррек опять улетел в эльфийские леса.

Метель в тот же день прекратилась. А ещё через неделю всё-таки открылась большая йольская ярмарка, и Элмерiku стало не до зимней королевы.

* * *

После такой снежной зимы весна на удивление пришла рано. Едва с рек сошёл лёд, Каллахан велел Соколятам возвращаться на мельницу. По дороге им несколько раз пришлось объезжать затопленные долины и путешествие немного за-

тянулось, зато дома их встретил новенький мост через Рябиновый ручей, потому что старый, как оказалось, снесло паводком.

Но на этом невзгоды Чернолесья не закончились.

В один погожий мартовский день новость всполошила всю деревню и несколько окрестных сёл ниже по течению: у ручья видели баньши!

Костлявая старуха в лохмотьях устроилась прямо на мосту. Она не полоскала в воде кровавые одежды, как часто делали её товарки – просто сидела, прислонившись морщинистым лбом к перилам, и, свесив босые ноги прямо в воду, протяжно подывала, шатая руками занозистые перила.

Первыми баньши увидели мальчишки, пускавшие по ручью щепки с тряпичными парусами. Они-то и раззвонили по всей деревне, что на мосту рыдает страшная бабка, тощая, как сама смерть. Смельчаки, что пошли поглазеть на это диво, вернулись бледные и осунувшиеся. У страшной бабки оказались чёрные провалы вместо глаз, длинные когти на руках и острые, как ножи, зубы. И хотя легенды утверждали, что баньши не нападают на людей, желающих прогуляться до моста больше не находилось.

Обо всём этом Элмерик узнал, когда приехал в деревню за овсом для лошадей. Сам он по дороге проезжал по тому самому мосту, но никакой баньши не встретил: та решила не показываться барду на глаза. Может, застеснялась...

Зато овса на этот раз ему принесли даже больше, чем бы-

ло нужно. А ещё выдали пару только что забитых кур, дюжину свежих румяных булочек и небольшой бочонок вина из черноплодной рябины.

– Передайте господину мельнику наше почтение, – пожилой пекарь вытер и без того чистые руки о фартук, – И скажите, что мы нижайше просим его избавить нас от этой напасти.

– Не бойтесь, баньши не трогают людей, – Элмерик достал из полотняного мешка одну из булочек и принялся: пахло просто волшебю. – Они предсказывают чью-то смерть, но не являются её причиной.

– А вот вам тут моя жена пирожков с капустой напекла, – на пятак перед конюшней, где бард остановил телегу, появился староста Чернолесья собственной персоной. Значит, дело было совсем плохо. – Кабы нам только узнать-то, кого она оплакивает? Кому гроб готовить-то?

– И нельзя ли её с моста тогось... прогнать? – а это уже добавил мясник.

– Может, она уже сама ушла, – Элмерик откусил кусок булочки. – Знаете, по дороге сюда я никого не видел.

В этот миг от околицы послышался детский крик:

– Она там! Там! Опять бабка на мосту плачет!

Чумазый мальчишка лет семи бежал со стороны вспаханного поля вприпрыжку, размахивая руками.

– А кто тебе позволил туда ходить?! – послышался грозный женский голос, потом звук крепкой затрещины и гром-

кий детский рёв.

– Не изволите ли сами убедиться? – староста заискивающе улыбнулся, пихая Элмерику в руки промасленный свёрток с пирогами. – Вы же как раз в обратный путь изволили собираться? А тут такая удивительная оказия...

Элмерик вспрыгнул на козлы и собрал поводья в кулак.

– Ладно, я посмотрю. Да не бойтесь. Мастер Патрик непременно со всем разберётся.

Он знал, что деревенские жители надеются на помощь колдуна-с-мельницы, а вовсе не его учеников. Просто ходить на поклон к мастеру Патрику отваживались только самые храбрые, а Элмерик как раз удачно подвернулся.

Бард пригладил рукой рыжие кудри, откидывая волосы назад, чтобы не мешались, и цокнул языком, заставляя лошадей тронуться. Мальчишка, получивший от матери затрепину, перестал реветь и побежал рядом с телегой, положив руку на бортик. Элмерик припомнил, что парнишку, кажется, звали Бринн.

– Что, сильно влетело?

Малец помотал головой.

– Не-а. Мамка сильно не лупит. Вот папка – тот да-а-а...

– Залезай давай, – бард хлопнул рукой по месту на козлах рядом с собой. – Будешь дорогу показывать.

– А чё б и не показать? – Бринн с готовностью забрался в телегу и уже оттуда пересел поближе к Элмерику. – Вона, тама она.

Прищурившись, бард глянул, куда указывал грязный палец с обгрызенным ногтем, но ничего не и увидел. Слишком яркое солнце слепило глаза.

– А ты смелый, раз не боишься бабку! – он хлопнул пацана по плечу.

Тот улыбнулся щербатым ртом.

– Я боюсь. Но не очень. Дядь, а хлебушка дай?

– Держи, – Элмерик разломил булку пополам, одну часть оставил себе, а вторую протянул Бринну. – Но за это расскажешь мне всё, что видел. Как бабка выглядела? Всегда ли была одинаково одета? Не повторяла ли одну и ту же фразу, когда причитала? Это важно.

Мальчишка затолкал весь хлеб себе в рот и некоторое время молчал, сосредоточенно пережёвывая. И лишь проглотив угощение, ответил:

– Ну, она такая... тощая. Лицо как у покойницы. Глаза тёмные-претёмные, и зрачков не видать. А зубищи... как у волка, во! Сама в лохмотьях, будто нищенка, а на голове – корона.

– Прямо-таки корона? – Элмерик от неожиданности потянул вожжи на себя, и послушные лошади встали.

– Ну такая, вроде как венок из цветов, – мальчишка утёр нос рукавом и жадно уставился на хлеб в руке барда. – Только цветы будто из золота и серебра.

– А говорила она что?

Сердце вдруг застучало часто-часто. Корона эта (а ско-

рее, венец) – плохой признак, как ни крути. Баньши были не просто предвестницами смерти. Элмерик и сам так думал прежде, но мастер Дэррек объяснил ему и другим Соколятам, что те являлись хранительницами древних семейств. У каждого рода с многовековой историей была собственная баньши. В обычное время они выглядели не такими страшными, но когда кому-то из рода предстояло умереть, хранительница одевалась в чёрное тряпье в знак траура. Рыдая и причитая, она рвала на себе волосы, оплакивая грядущую потерю. По всему выходило, что на мосту видели королевскую баньши. Да ещё и незадолго до Остары – в то время, когда грани между мирами особенно тонки. Ох, не к добру это!

Элмерик цокнул языком, и лошади снова пошли. А мальш Бринн пустился в разъяснения:

– Бабка-то энта в основном бормотала что-то или просто выла, как наши тётки деревенские по покойнику воют. Но как-то раз мне будто слышалось про Мир-под-волной. И что кто-то потеряет трон.

– А можно точнее? – для подкрепления памяти Элмерик протянул мальчишке свою часть булочки.

Тот жадно вцепился в хлеб обеими руками, уже разинул было рот, но передумал: со вздохом спрятал кусок в карман.

– Мамке отдам. А так больше нет, ничего не помню. Зви-няй, дядь, – Бринн спрыгнул в дорожную пыль. – Пойду я, а то опять заругают. Тут уж недалеко – сам доедешь.

Элмерик и без того знал, что не заблудится – дорога-то была одна. Но всё же с мальчишкой было не так боязно. Он сам не понимал, с чего вдруг так оробел: ну баньши, пусть даже и королевская! И не такое видать доводилось. Но страх не спрашивал разрешения, просто пришёл – и остался.

Когда вдалеке показался мост через Рябиновый ручей, под ложечкой противно засосало. Элмерiku показалось, будто между балясин виднеется тёмный скрюченный силуэт, но рыданий не было слышно из-за шума воды. Лошади заартачились и встали, что только подтверждало опасения барда: ведь эти умные животные всегда чувствуют нечисть. Как, впрочем, и собаки.

Пока Элмерик силился сдвинуть упрямых меринов с места, справа от дороги громко и хрипло каркнул ворон. Бард, вздрогнув, обернулся на звук, а когда снова взглянул на мост, то там никого уже не было. Лошади, не дожидаясь новых понуканий, пошли сами, мерно цокая копытами по деревянному настилу. Похоже, баньши опять испугалась и спряталась. Но теперь бард был уверен, что та в самом деле была, а не мерещилась. И не только потому, что видел неясный силуэт. Проезжая по мосту, он сорвал с перил обрывок ткани. Тот напоминал белый шарф: благородные дамы вышивают похожие перед турниром, чтобы обвязать плечо своему рыцарю. На расшитом золотыми нитями шёлке расплывались свежие пятна крови.

На мгновение Элмерiku показалось, будто он слышит

сдавленные всхлипы, но спустя мгновение их заглушил звук бурных весенних вод, и он решил ехать не останавливаясь.

* * *

Если известие о королевской баньши и встревожило мастера Патрика, то виду он не подал. Выслушал сбивчивый рассказ Элмерика, привычно поджав сухие губы и потребовал:

– А ну покажи шарф.

Бард протянул ему окровавленный кусок ткани. Вот тут уже у наставника не получилось сохранить безучастный вид. Он широко распахнул глаза, по-птичьи вытянул морщинистую шею и схватил добычу длинными цепкими пальцами.

– Не бери в голову, – наконец, вымолвил он, пряча шарф за спину. – Я сам разберусь.

После чего нырнул во тьму своей комнаты, захлопнув дверь.

Ну конечно, кто бы сомневался... Как Врата закрывать и с чудовищами сражаться – так все тут Соколы! А как что-то действительно интересное происходит – так «не бери в голову, сам разберусь».

Бард на всякий случай постучался, но наставник и не подумал отозваться. Пришлось, как в старые добрые времена, идти к Соколятам, чтобы держать совет. В противном случае Элмерик опасался, что лопнет от любопытства.

Прошло всего два дня, как они вернулись на мельницу. За минувшие месяцы здесь ничего не изменилось, разве что пыли и паутины стало больше. Мастер Патрик всю зиму жил только на первом этаже, чтобы не топить весь дом и не бегать вверх-вниз по лестницам. Его ноге стало лучше, но хромота так и прошла. Приходилось по-прежнему ходить с тростью.

Обленившиеся за зиму брауни худо-бедно привели в порядок прежние комнаты, и, хотя теперь каждому из Соколят полагались отдельные покои, пришлось пока довольствоваться тем, что есть. Келликейт и Розмари не жаловались – после холодных залов Соколиного гнезда и королевского дворца общая девичья спальня казалась им пределом мечтаний. По крайней мере, тут для тепла хватало одеяла и не нужно было подкладывать под кровать жаровню с раскалёнными углями, которые всё равно остывали к утру.

Элмерик же был совсем не рад оказаться в старой спальне. Всё потому, что Орсон пока задерживался в столице и не вернулся на мельницу вместе со всеми, а значит, комнату опять предстояло делить с Джерри. После Зимней Битвы барду показалось, что их отношения немного улучшились – сложно считать врагом того, кто спас тебе жизнь. Поначалу так и было. Но едва между ними начало зарождаться подобие... нет, не дружбы, но хотя бы доброго приятельства, Джеримэйн опять всё испортил. Дошло до того, что этот невежа распустил язык при короле и обозвал Элмерика «менестрелишкой». Не менестрелем даже! Когда же бард

справедливо возмутился, Его Величество разгневался и выставил из залы обоих. А всё из-за глупого Джерри, который не понимал: что дозволено на мельнице за закрытыми дверями при Риэгане, то совершенно недопустимо при Артуре Девятом в его тронной зале. А уж называть потомственного чаропевца «менестрелишкой» вообще нельзя нигде и никогда!

Оставалось надеяться, что Джерри вообще не будет ночевать на мельнице, если, конечно, дочка старосты – рыжая красотка Мэриэнн – дождалась ухажёра, а не завела шашни с кем-нибудь другим. Элмерик, признаться, надеялся на её верность – чем меньше он сейчас будет встречаться с Джерримэйном, тем лучше. А там, глядишь, ленивые брауни сподобятся расчистить и остальные комнаты...

Каллахан остался пока в столице и Мартина с Шоном тоже от себя не отпустил. Поэтому из наставников, помимо мрачного мастера Патрика, на мельницу вернулись не менее мрачный мастер Флориан и его взбалмошная сестрица. Но сейчас все они были заняты своими делами и Соколят без нужды не доставали. Прежние занятия, когда все собирались в одной учебной комнате, похоже, никто не собирался возобновлять. Дескать, уже большие – учитесь сами, по книгам. Но это не значило, что Элмерику дозволено было прохлаждаться и радоваться наступившей весне: командир выдал ему список поэм, которые следовало выучить наизусть, и обещал проверить, как только доберётся до мельницы. А

когда именно приедет, конечно же, не сказал.

Но было кое-что, что не позволяло барду отчаиваться. Близилась Остара, а это означало, что скоро проснётся Ллиун, прекрасная яблонева дева. Весной они условились встретиться, и обещанный миг был близок, а её посулы в прошлый раз звучали... многообещающе. Поэтому Элмерик сгорал от нетерпения.

Сразу по приезде он сунулся в Чёрный лес, чтобы проверить: а вдруг Ллиун уже не спит? Среди замшелых стволов пахло влажной землёй и прелыми листьями. На полянах среди молодой травы проглядывали первоцветы. Другие младшие фэйри уже всю копошились под пнями, обустривая новые жилища, плескались в полноводных ручьях, хлопали сонными глазами из бочажков, в которых отражалось весеннее мартовское небо, перекликались осипшими после зимы голосами с соседями, подражая птицам. Но Ллиун среди них не было. Возможно, потому, что яблони ещё не зацвели?

Ждать Элмерик не любил, но ничего другого ему не оставалось. Так что эта история с королевской баныши подвернулась весьма кстати.

– Значит, ты сам её не видел? – в голосе Джерри Элмерику почудилась насмешка.

Может быть, её там и не было, но бард по привычке ждал подвоха.

– Говорю тебе: был тёмный силуэт. А потом лошади испугались, и...

– Тебя случайно не разыграли? – Джеримэйн сплёл руки на груди.

– А шарф-та окровавленный? – напомнила Розмари. – Стал бы мастер Патрик пужаться-та, если бы то шутка была-та?

Джерри пожал плечами.

– Я привык полагаться на свои глаза, а не на домыслы. Увижу – тогда поверю.

Элмерик тщетно пытался не злиться, но всё равно ничего не мог с собой поделать. Ох, мало в нём пока было смирения...

– Пойдём к мосту, если не боишься, – он схватил Джерри за рукав. – Посмотрим. Может, тебе удастся подкрасться незамеченным. Мне кажется, она боится чародеев. Деревенские-то эту баньши не раз видели, а от меня она будто прячется.

– Стеснительная баньши! Придумаешь тоже! – рассмеялся Джеримэйн.

– Я тоже хочу пойти-та! – Розмари вскочила.

За зиму она ещё немного подросла, стала выше Элмерика на дюйм и в какой-то момент даже начала сутулиться, но её плохую осанку вмиг вылечил мастер Каллахан, вскользя упомянувший, что у эльфов высокий рост считается признаком красоты и силы. Больше Розмари спину не гнула.

– Только тихо, а то спугнёте, – Элмерик поджал губы; идея отслеживать баньши всей толпой ему была не по душе, но

от настырной Розмари разве отвертишься? Она ж вечно прилипнет как банный лист...

Втроём они спустились с холма не по основной дороге, а по едва заметной тропинке, ведущей к реке. Элмерик хорошо помнил эти места: когда-то они гуляли здесь с Брендалин. Теперь ему казалось, что это было очень давно, в прошлой жизни. Боль ушла из сердца, но обида осталась. Впрочем, уж лучше было мучиться от несправедливости, чем продолжать безответно любить такую негодяйку.

Поросший одуванчиками склон ближе к подножию становился круче, и Элмерик подал руку Розмари. Девушкаглянула на него косо, но помощь приняла. Свободной рукой она придерживала юбки, уже безнадёжно вымазанные в весенней грязи.

Рябиновый ручей делал здесь поворот, и мост отлично просматривался. И тут Элмерик увидел баньши. Она сидела на перилах – скрюченная, сморщенная, похожая на огородное пугало. Обрывки её чёрных одежд развевались, словно траурные знамёна... Соколята подошли с наветренной стороны, поэтому не слышали ничего, кроме журчания бурных внешних вод и шума мельничного колеса.

– Вот, – прошептал Элмерик и на всякий случай спрятался за куст дикого шиповника. Джерри и Розмари последовали его примеру.

Баньши не могла их слышать, но отчего-то всё равно подняла голову, высматривая непрошенных гостей.

– Болотные бесы! – прошипел Джерри. – Прямо на нас тарашится! Ишь, глазницы какие... ну чисто череп!

– Струсил, что ль? Это ж баньши! Они не опасны, – Розмари усмехнулась, но Элмерик видел, что девушке тоже не по себе: кожа на её шее и предплечьях покрылась мурашками явно не от холода.

– Мы про обычных баньши учили, а эта – королевская. Кто знает, что у неё на уме? – поёжился бард.

– Я бы хотел узнать, которого из королей она оплакивает, – Джерри говорил так тихо, что Элмерик скорее прочитал по губам, чем услышал его слова.

– А что, разве не ясно? Ай! – он поскользнулся на влажной траве и ухватился за шиповниковую ветвь, чтобы удержаться. Шипы вонзились в ладонь.

Джерри скривился:

– Просил не орать, а сам-то! Скажи, Рыжий, ты совсем дурачок или притворяешься?

– А что такого-то? – Элмерик подул на ладонь.

– Сколько королей и королев ты знаешь?

И тут до барда дошло. Он охнул и с размаху сел на траву, уже не беспокоясь о чистоте штанов. Первым на ум пришёл, конечно, Артур Девятый. Но никто не говорил, что баньши приходит только к королю людей. Может, она оплакивает Браннана? Или Медб? Если подумать, даже мастер Калахан подходит: низшие фейри до сих пор зовут его королём Лета. А ещё Оона... У эльфов этих королей и королев – просто со-

лить можно. Вот и гадай теперь, почему так изменился в лице мастер Патрик. На окровавленном шарфе не было герба или чего-то подобного, но наставник его явно узнал... Мда, вряд ли это Оона.

– Думаю, она нас заметила. Глаз не сводит, ща дырку просверлит... – Джерри не мог отвести от баныши глаз.

– Что-та холодно-та! – Розмари, поплотнее закуталась в платок.

– Да это просто солнце за тучку зашло, – Элмерик был почти уверен, что дело вовсе не в тучке, поэтому утешение вышло совсем неубедительным.

А баныши вдруг выпрямилась во весь рост. Теперь она стояла на перилах, раскинув руки в стороны. Даже отсюда было видно, что её конечности были нечеловечески длинными и тонкими, будто стебли тростника. Морщинистый лоб действительно украшала корона – она аж сияла на солнце. С громким плеском старуха сиганула в воду и поплыла, как рыба. Некоторое время Элмерик видел её тёмную спину, но потом потерял из виду.

– Пойдёмте-ка отсюда! – Розмари схватила Элмерика за запястье и крепко сжала.

Бард кивнул, поднимаясь на ноги.

– Теперь убедился, неверующий наш? – он усмехнулся, глядя на Джерри.

Тот даже не подумал огрызаться, вместо этого указав пальцем куда-то в сторону мельничного колеса.

Элмерик взглянул и обомлел: баньши устроилась прямо на широкой деревянной лопасти. Колесо то поднимало её над водой, то опускало, протаскивая по самому дну. Любой человек был бы уже мёртв, решился он так прокатиться. Но старухе было хоть бы хны. Каждый раз, оказываясь на верхней точке поворота колеса, она протягивала костлявые руки к солнцу и отчаянно завывала... Элмерик не мог разобраться, плачет она или смеётся. А может, и то и другое одновременно? Теперь и ему стало страшно, а сердце сжалось от дурного предчувствия. Бард вздрогнул, когда Розмари ещё сильнее сжала его руку.

– Смотри-ка! – она кивнула в сторону моста, по которому шагом ехал всадник на белой лошади. – Кажется, у нас гости-та.

Элмерик прищурился, сияясь разглядеть, кого это там принесло. Незнакомец точно приехал не из деревни – там отродясь не бывало таких добрых коней фейской породы.

– А стеснительная баньши-та никак от него сбежала! Он, выходит, ещё пострашнее нас с вами будет, – Розмари цокнула языком.

Всадник был одет в белое с фиолетовым. Плащ цвета спелой черники развевался на ветру, словно крылья за спиной. На его левом боку Элмерик разглядел меч в серебряных ножнах. Бард задумался, кто из лордов Объединённых Королевств носит такие цвета, но так никого и не вспомнил. Его бесплодные размышления прервал Джеримэйн:

– Вот мало нам на мельнице эльфов! Ещё один пожаловал... Эй, чего вы на меня вытаращились? Сами, что ли, не видите? Уши-то острые.

Приглядевшись получше, Элмерик убедился, что Джерри прав. Ох! Да, им определённо пора было домой...

* * *

Когда Соколята вернулись на мельницу, их гость – уже без плаща и меча – восседал в любимом кресле командира, положив ногу на ногу, пил вино и, мило улыбаясь, беседовал с Келликейт. Патрик и Флориан сидели рядом с одинаково кислыми лицами. Говорящего ворона нигде не было видно. По-тихому подсмотреть, что происходит в гостиной, не удалось – чуткий эльф слышал их шаги ещё в коридоре:

– Эй, кто там? Заходите!

Элмерику очень не понравился его тон. Эльф вёл себя так, будто это он был у себя дома, а все прочие – в гостях.

– Это наши ученики, – Мастер Патрик махнул рукой, делая Соколятам знак войти. – Джеримэйн, Элмерик и Розмари, позвольте представить вас нашему гостю...

– Я – Фиахна, – перебил его эльф. – Можете называть меня так.

Элмерик был уверен, что уже слышал это имя прежде. Черты гостя тоже казались знакомыми. Но они же не могли встречаться раньше? Бард наверняка запомнил бы... Впро-

чем, гадал он недолго. А ещё мгновение спустя едва не хлопнул себя по лбу, озарённый внезапной догадкой. Ну конечно! Они никогда не встречались, просто эльф был очень похож на Шона без маски – Элмерик видел рыцаря Сентября в истинном обликии всего лишь раз, на Самайн. Хотя вернее было бы сказать, что это Шон был похож на Фиахну – своего отца, младшего брата короля Финварры. Но разве Фиахна не должен сейчас быть с братом на том свете, в Мире-под-волной? Помнится, в сказаниях говорилось, что они отправились туда вместе. Или, может, сказания врут?

Элмерик с интересом рассматривал нежданного гостя. На плечах у того свободно лежали тёмные вьющиеся волосы (тут отец с сыном не сошлись: у Шона волосы были прямыми и гладкими), а от левого виска спускалась единственная тонкая косичка с цветком мать-и-мачехи на конце. Тунику насыщенного сливового цвета украшала серебряная вышив-ка в виде листьев папоротника. Рукава белоснежной рубахи были прихвачены тяжёлыми серебряными браслетами. Чёрные, как угли, глаза смотрели цепко. Взгляд заметно потеп-лел, задержавшись на Розмари. Эльф улыбнулся и отсалюто-вал ей бокалом.

– Не стойте в дверях, проходите. Вечером у нас будет пир в мою честь. Надеюсь, к тому времени мой сын и мой доро-гой племянник почтят нас своим присутствием.

Патрик, закатив глаза, вздохнул:

– Я уже говорил тебе: они сейчас в Каэрлеоне. У них важ-

ные дела. И я не уверен, что...

– Нет ничего важнее новостей, что я вам принёс Пускай поторопятся. Я знаю, у Каллахана есть дракон как раз для особых случаев. – Фиахна поставил кубок на стол и улыбнулся Розмари. – А пока мы всё равно ждём, я прошу прекрасную даму наполнить мой кубок вином.

– Как вам будет угодно-та! Кстати, моё имя Розмари, – щёки девушки зарумянились.

Забирая кубок, Фиахна ненароком коснулся её руки. Элмерик готов был поклясться, что эльф сделал это нарочно.

– Хотя мой неожиданный приезд повлёк за собой некоторые неудобства, я всё равно рад! Встретить в такой глуши два прекрасных цветка! – он наметил лёгкий поклон в сторону Келликейт и снова уставился на Розмари, прямо-таки пожирая девушку взглядом. – Дочь младших фэйри подобна дикому шиповнику: хороша собой, но её вид не даёт забыть о шипах. Разумеется, я говорю о её спрятанных до поры кошачьих когтях. А вот белокурая дочь смертных – настоящая роза! Скажи, красавица, в чём твоя сила?

Казалось, нельзя было залиться краской ещё больше, но Розмари это удалось:

– Я делаю обереги-та. И насылаю проклятия, – она опустила глаза, потому что была не в силах выдерживать пристальный взгляд Фиахны так долго.

– Мать Прародительница! Кто нашёл тебя? Ты же настоящее сокровище! Проклинать и защищать одновременно –

вы понимаете, насколько это изящно?

Джерри закашлялся, но, памятуя о выходке Медб, ничего не сказал. Похоже, лишь эльфы могли заставить его хотя бы иногда сдерживать язык.

– Господин Фиахна, мы просим прощения, что не подготовились должным образом к вашему приезду, – Келликейт отвлекла внимание на себя, спасая готовую сгореть от смущения подругу. – Но неужели нам придётся ждать появления остальных, чтобы узнать, что привело вас в Чернолесье? Может, хотя бы один маленький намёк? Хорошие вести или дурные?

– Смотри-ка! – прошипел Джерри на ухо барду. – Не зря всю зиму во дворце проторчала! Как заговорила-то, а? Прямо по писаному!

Элмерик отмахнулся. Как-никак, Келликейт была дочерью лорда... Впрочем, вряд ли она хоть раз говорила с Джерримэйном так вежливо. Зачем, если тот всё равно не понимает по-хорошему?

Фиахна наклонился к девушке и легонько щёлкнул её по носу.

– Любопытство кошку сгубило! Всему своё время, дорогая.

Элмерик ожидал, что Келликейт возмутится такому обращению, но та отчего-то промолчала. И что только девчонки находят в этих эльфах?! Его негодованию не было предела. Наверняка бард был бы очень смущён, если бы ему напом-

нили, что совсем недавно он и сам мечтал посмотреть на живого эльфа хоть одним глазком. Но, к счастью, напоминать никто не стал.

Тем временем в окно постучали. Элмерик не успел удивиться, как мастер Флориан уже открыл створки, впуская в гостиную Брана. Ворон устроился у него на плече на специальной войлочной подушке, ловко подцепил клювом предложенное лакомство и прокаркал:

– Пр-р-риедут завтра-р-ра.

– Значит, и пир будет завтра, – решил Фиахна. – А сегодня... не обращайтесь на меня внимания. Ведите себя так, будто это самый обычный день на мельнице. А я, пожалуй, хочу прогуляться, – эльф встал и перевесил через руку свой чернильный плащ. – Надеюсь, прекрасная Розмари не откажется составить компанию? Мне нужен кто-то, кто знает здесь всё.

Девушка кивнула и на всякий случай присела в реверансе.

– Оставим условности, – Фиахна предложил ей руку, и Розмари смущённо коснулась его рукава.

Мастер Патрик снова закатил глаза. Элмерик проводил их взглядом и неожиданно для себя скрипнул зубами. Не нравился ему этот Фиахна.

В своём мнении он оказался не одинок. Бран спрыгнул с хозяйского плеча на стол, склевал какую-то крошку и раскатисто пророкотал:

– Пр-роклѣтье! Пр-роблема!

– Да уж, – вздохнул мастер Патрик. – «Проблема» – это

второе имя Фиакны... Скорей бы уже Шон приехал!

Глава вторая

Самая ранняя яблоня, как оказалось, расцвела у Элмерика под самым носом – в саду у мельницы. Всего одна – другие пока и не думали распускаться. Он бы и не заметил, если бы не Келликейт.

Теперь бард стоял перед деревом, с замиранием сердца смотрел на едва раскрывшиеся цветы и думал: что делать? Если яблонева дева просыпается с первым распустившимся цветком, то разве она не должна уже быть здесь? Может, Ллиун забыла о своём обещании? Или её не пускает защитный круг? Но буквально вчера Элмерик видел в кустах парочку фей. Скорее всего, мастер Патрик пустил их, чтобы те опыляли цветы. А значит, защита сейчас не так крепка, как в зимнее время.

Он приложил ладонь к стволу, ощущая каждую трещину на коре, и прочистил горло.

– Ну и где же ты? Я ждал тебя всю зиму!

Дерево зашелестело листьями, но это, к сожалению, был не желанный ответ, а просто свежий весенний ветер.

– Знаешь, это не смешно... – Элмерик начинал немного злиться. – Ты не сказала, как тебя найти. Я думал, это будет легко. А теперь стою, как дурак, и разговариваю с деревом.

В голову вдруг закралась страшная мысль: бард видел Ллиун наяву всего единожды – когда она помогла ему зала-

тать ногу. Потом девушка являлась ему лишь в видениях и снах. А что, если всё это было не взаправду, и на самом деле лианнан ши ему ничего не обещала?

Он не удержался от разочарованного возгласа, и в этот миг кто-то закрыл ему глаза руками. Усилившийся аромат яблоневого цветка вернул сердцу надежду.

– Лиун? Это ты?

Звонко рассмеявшись, лианнан ши убрала ладони.

– Говорят, маленький чаропевец уже отчаялся дожидаться Лиун? Готов был отступить и уйти?

– Неправда! – Элмерик мотнул головой; отросшие за зиму кудри упали на лицо, и яблоневая дева, едва коснувшись щеки, заправила непослушную прядь ему за ухо.

На ней было платье цвета свежей зелени, украшенное белой вышивкой, соцветиями яблони и многочисленными золотыми шнуровками. Длинные полупрозрачные рукава спускались почти до земли.

– Пойдём отсюда, – она взяла его за руку, уводя подальше к ораде. – Нас могут увидеть.

– Ну и пусть. Мне скрывать нечего.

Лиун опять звонко рассмеялась.

– Маленький чаропевец такой серьёзный... Пора выполнять обещание. Для этого понадобится флейта.

– Она всегда при мне, – бард хлопнул по кожаному футляру, висевшему у пояса. – А что нужно сделать? Какие-то чары? Может, лучше взять арфу? В последнее время я боль-

ше с ней упражнялся.

Ллиун задумалась, накрутив на палец золотой локон.

– Флейта, пожалуй, лучше, – она ускорила шаг, острые коготки впились в кожу Элмерика.

– А куда мы идём?

Они спускались с холма вниз по заросшему склону. Под ногами не было тропинки, но лианнан ши шла легко и уверенно.

– В Чёрный лес, куда же ещё? Тот, кто хочет получить награду от своей дамы, должен сперва выполнить её просьбу. Так ведь говорят сказания? – Ллиун обернулась и подмигнула. Элмерик не мог взять в толк, шутит она или говорит серьёзно.

– Вот я и хочу узнать, чего ты просишь. Только не говори, что я должен сам догадаться.

– Маленький чаропевец скоро сам всё увидит.

Они вошли в лес, когда солнце уже начало клониться к закату. Ох, не самое лучшее время для прогулок... Бард поёжился, вспоминая былые приключения. Они с Джерри и Розмари едва не погибли тут однажды. Впрочем, это было давно, когда Соколята совсем ничего не умели. Теперь Элмерiku незачем было опасаться лесных фэйри. Скорее уж это они должны были страшиться встречи с ним. Ну, большая часть из них.

– А может, ты хочешь заманить меня в чашу и там съесть? – короткий смешок получился нервным и наигран-

НЫМ.

Лианнан ши, задрав юбки, перепрыгивала через многочисленные ручьи, и Элмерик не мог оторвать взгляда от её стройных щиколоток и острых коленей.

– Всё может быть, – она сверкнула зелеными глазами, даже не думая опустить подол, словно вообще не знала никакого стыда. – Вот мы и пришли.

Элмерик огляделся. Это было чудесное место: не просто лесная поляна, а настоящий яблоневый сад, вокруг которого пышно разрослись колючие кусты ежевики. Под ногами хрустели прошлогодние полусгнившие яблочки-дички, повсюду царило буйство весенней зелени... и ни одного цветка. Яблони будто спали. Бард почти что слышал, как они вздыхают во сне.

– Пусть маленький чаропевец сыграет им, – Ллиун присела на замшелый пенёк и подперла рукой подбородок. – Может, тогда они наконец-то проснутся?

– Хочешь сказать... – Элмерик запнулся, подбирая слова.

Лианнан ши поникла, опустив узкие плечи.

– Всё так. Ллиун единственная, кому посчастливилось оттаять. Зима была слишком холодной... А всё из-за чародея Жестокое Сердце, – она подняла руку, и Элмерик увидел, что от заклятия, подчинившего Ллиун воле Лисандра, остался заметный алый шрам – как раз там, где в запястье врезалась острая струна.

Проследив за его взглядом, лианнан ши смутилась и спря-

тала руку за спину, но Элмерик перехватил её ладонь, пресекая попытки вырваться.

– Тебе нечего стыдиться. Это раны, полученные в бою.

– Но они же некрасивые, – глаза Ллиун наполнились слезами.

Ох уже эти эльфы, повёрнутые на своей красоте! Вместо лишних слов Элмерик поднёс её запястье к губам, и лианнанши, захлопав глазами, перестала вырываться. Бард выпустил её ладонь сам, но не сразу.

– Почему ты думаешь, что я смогу разбудить их? – он потянулся за флейтой.

Ллиун пожала плечами.

– Кому ещё, как не чаропевцу, под силу такое колдовство?

– Ладно, я попробую.

Элмерик заиграл мелодию. Сперва тихо, потом всё громче и громче. Пальцы живо бегали по телу серебряной флейты. Когда он готов был перейти ко второй, более лирической части, Ллиун остановила его жестом:

– Нет, так не пойдёт. Маленький чаропевец боится.

– А кто бы не боялся? – фыркнул Элмерик, отнимая от губ флейту. – Я собираюсь пробудить к жизни десятка два яблоневых дев. Наверняка очень голодных после зимы. А я слышал, бардов вы особенно любите. На вкус.

В лесу начинало темнеть. С заходом солнца сразу похолодало, и Ллиун, заметив мурашки на коже барда, взяла его руки в свои, чтобы согреть дыханием замёрзшие пальцы.

– Маленький чаропевец прав и не прав. Мы любим бардов, но не только за их горячую кровь. Мои товарки не посмеют тронуть маленького чаропевца, я ручаюсь.

– Почему?

– Не важно. Пусть маленький чаропевец поверит Ллиун и сыграет ещё раз.

Новая мелодия вышла намного лучше. Она была похожа на звон капли и журчание ручьёв, на пересвист возвращающихся птиц и шум южного ветра. Элмерик играл о весне, призывал её, в какой-то мере он и сам сейчас был весной. Он вдруг увидел, как маленькая белая точка на ветке превратилась в бутон и нежные лепестки дрогнули, готовясь раскрыться.

В этот миг Ллиун остановила его.

– Благодарю. Дальше они справятся сами. А нам лучше отсюда убраться, и поскорее.

Бард не заставил просить себя дважды.

– Что, всё-таки сожрут? – его голос предательски дрогнул.

Лианнан ши соизволила ему ответить, когда они отошли от яблоневого поляны на значительное расстояние.

– Не в этом дело... Просто Ллиун не хочет, чтобы ей завидовали. Ведь она уже нашла своего барда. А им ещё придётся потрудиться. Что ж, маленький чаропевец заслужил награду.

Она наградила его долгим поцелуем. Потом ещё одним. Смеясь, увлекла за собой на мягкое ложе из плюща и сама распустила золотистую шнуровку на платье. Наверное, надо

было что-то сказать, но Элмерик начисто потерял дар речи. В голове мелькнула дурацкая мысль, что надо было захватить с собой плащ, чтобы подстелить, — земля ведь ещё холодная, а потом все мысли вовсе исчезли.

Бард беспокоился зря: этой ночью им вовсе не было холодно. Острые когти яблоневой девы царапали его кожу почти что нежно. Когда Ллиун куснула его за шею, Элмерик решил, что теперь-то уж точно всё — хитрая лианнан ши выпьет его кровь. Но даже это не могло заставить его остановиться. В сердце не было ни капли страха. Ведь чему быть, того не миновать. Голова кружилась, как будто бы он перебрал молодого вина (а ведь вообще не пил сегодня!), перед глазами стоял туман, а запах яблоневых цветов ещё никогда не был таким желанным. Элмерику хотелось вдыхать их припорошенный аромат снова и снова. И плевать, если за это желание придётся заплатить жизнью. К счастью, Ллиун вовсе не убивать его собиралась...

Они разомкнули объятия под утро, когда первые лучи солнца едва коснулись макушек деревьев.

— Мы увидимся снова? — голос Элмерика прозвучал хрипло.

— Но мы же ещё даже не расстались, — лианнан ши, усмехнувшись, провела острым коготком по его подбородку и, глядя на вытянувшееся лицо возлюбленного, расхохоталась. — Конечно увидимся. Ллиун теперь никуда не отпустит своего барда! Так что пусть он ждёт её завтрашней ночью и не

вздумает спать.

Окрылённый этим обещанием, Элмерик попрощался с Ллиун, поцеловав её напоследок, и со всех ног бросился домой. Он надеялся пробраться в спальню незамеченным, но в этот раз ему, увы, не повезло. На крыльце мастер Патрик. Несмотря на то, что наставник одевался явно наспех, его вид был настолько грозен, что бард невольно втянул голову в плечи, предвкушая серьёзный нагоняй. И тот не заставил себя ждать.

– Ты совсем спятил? – мастер Патрик даже не кричал, а шипел: это означало, что он был не просто зол, а взбешён. Таким Элмерик его не видел... да пожалуй, со дня пропажи Келликейт.

– А что случилось? – бард только сейчас заметил, что за плечом наставника маячила Эллифлор, тоже крайне бледная и обеспокоенная.

– Он ещё спрашивает! Ушёл, не предупредил. А когда тебя хватились, брауни поведали, что ты ещё вчера ушёл под ручку с лианнан ши. И что мы должны были думать? Где искать твои косточки? – леди-призрак шумно дышала, хотя ей вовсе и не обязательно было это делать. – Патрик уже всех на уши поднял! Мы собирались на поиски.

– Но я уже не маленький, – пробурчал Элмерик, краснея, – и сам знаю, что делаю. Оставьте меня в покое.

Мастер Патрик взял его за подбородок, осмотрел шею, недовольно поджал губы при виде следов, оставшихся в па-

мать о страстной ночи, и только потом облегчённо выдохнул.

– Ну, по крайней мере, она не укусила.

– Проверь ещё запястья, – подсказала леди Эллифлор, но Патрик покачал головой.

– Нет смысла. Эта связь иного рода. Сама подумай: он же бард...

Эллифлор ахнула, прикрыв рот рукой.

– Бард, ну и что? – от досады у Элмерика дрожали губы. – Что бы вы там себе ни думали, это совсем другое... она и я... мы...

– А ты знаешь, почему лианнан ши предпочитают бардов? – голос мастера Патрика снова стал спокойным, как если бы тот был в классе и вёл урок. – Отвечай.

Элмерик пожал плечами.

– Потому что мы особенные? – он смотрел на наставника в упор, пытаясь скопировать наглый взгляд Джеримэйна; у него даже почти получилось.

– Ох уж эти мальчишки... – Патрик вздохнул. – Ладно, пусть Каллахан с тобой разбирается, особенный ты наш! А до его возвращения запрещаю тебе покидать мельницу.

– Опять?! Но...

– Никаких «но». Отправляйся к себе. А если будешь перечить, запру в подвале. Ты там уже сидел. Видать, понравилось?

Элмерик надулся, но послушаться не посмел. Добравшись до комнаты, он рухнул на кровать, даже не сняв сапоги.

А ведь день так чудесно начинался... Вот обязательно надо было всё испортить?

К счастью, долго ждать ему не пришлось. Каллахан, Шон и Мартин приехали на мельницу сразу после обеда – бард заметил их из окна.

Командир даже издалека выглядел обеспокоенным. Его лицо, конечно же, оставалось бесстрастным, но Элмерик всё равно видел, что учитель напряжен, как перетянутая струна на арфе. Это чувствовалось во всём: в походке, в повороте головы, в том, как он спрыгнул с взмыленного коня и велел принести воды.

Половина лица Шона, как обычно, скрывалась под маской, но бард готов был биться об заклад, что тот не рад предстоящей встрече с отцом. Только Мартин хмурился открыто, даже не пытаясь выглядеть благодушным. И если прежде Элмерику было просто не по себе, то теперь сердце аж заныло от дурного предчувствия: уж эти трое ни за что не будут волноваться по пустякам.

Улыбающийся Фиахна встретил их у дверей. Он обнял Шона, хлопнул Каллахана по плечу, подмигнул Мартину.

– Вы заставили себя ждать! Я почти обиделся. Каллахан, где же твой хвалёный дракон?

– Гостит у Медб, – командир поднялся ещё на одну ступеньку; стало заметно, что они с Фиахной одного роста. – Я могу пройти в свой дом?

Гость неохотно посторонился.

– У Медб? Ага, старая подруга! Как она там? По-прежнему ворует рыцарей?

– А ты по-прежнему ворует девиц? – Шон стряхнул с сапога комок налипшей грязи.

– Что-то же должно оставаться неизменным в этой жизни. И потом, это ведь честный обмен. Ведь сперва они крадут моё бедное сердце.

– Интересно, Медб тоже так оправдывается? – фыркнул Мартин.

– Ты не понял, – с обезоруживающей улыбкой отозвался Фиахна, – я не оправдываюсь.

– Папа хвастается, – со вздохом пояснил рыцарь Сентября, увлекая Мартина за собой в дом.

Несмотря на то что время обеда уже прошло, по настоянию Фиахны все Соколы снова собрались за столом в гостиной. Причём, наглый эльф устроился в кресле Каллахана.

– Пир будет, но немного позже. А пока пейте вино, ешьте пирожки. Они чудесны, но ещё чудеснее та, что их приготовила, – он поманил Розмари пальцем. – Я хочу, чтобы ты сидела рядом со мной, красавица. Сынок, а ну-ка подвинься!

Шон, не говоря ни слова, пересел.

– Ой, не стоит-та беспокойства! Мне и тут неплохо-та. Да и к кухне поближе, – Розмари хоть и отнекивалась, а всё же пошла, села рядом с эльфом. Её щёки зарделись.

– Скромница, – шепнул Фиахна, наклонившись через неё к Шону, – прямо как твоя мать. Эх, что поделать: ну нравятся

нам смертные. Как думаешь, это семейное?

Рыцарь Сентября закатил глаза – прямо как мастер Патрик, – а Фиахна, прочистив горло объявил:

– Ну что ж, раз все в сборе (на самом деле в гостинной не было Джеримэйна, но эльф решил не обращать внимания на такую малость), теперь я расскажу, зачем приехал!

Его голос не был мелодичным, как у Каллахана, или низким бархатным, как у Шона. И всё же им нельзя было не заслушаться.

– Меня послал к вам с важной вестью король Финварра, – стоило ему произнести имя эльфийского правителя, как воцарилась гробовая тишина: всё затаили дыхание; казалось, даже птицы за окном перестали петь. – Он велел сказать, что остаётся в Аннуине и не вернётся более в наши края, но станет одним из королей в Мире-под-волной.

Эльф делал паузы между фразами, будто бы наслаждаясь тем, как слушатели встречают каждое его слово и как жадно ждут продолжения.

Каллахан крепко сжал пальцы на своём кубке и пригубил вино. Губы что-то прошептали совсем беззвучно. Элмерик глянул на командира с сочувствием – всё-таки Финварра был его отцом. А стать иномирным королём хоть и почётно, но по сути это означало умереть навсегда. В этой жизни отец и сын больше не увидятся, а встретятся только в тот миг, когда Калллахан сам отправится за грань.

Фиахна тоже поднял чашу.

– Я же вернулся, чтобы объявить его волю. Финварра хочет, чтобы я объявил преемника – того, кто будет править Неблагим двором отныне и до самого последнего дня, когда придёт его черёд отправляться к Прародительнице эльфов. Но пока нас не было, вы тут наворотили дел, поэтому сперва я должен разобраться в происходящем, и только потом огласить имя нового короля. С этого момента я объявляю себя наместником Финварры...

Каллахан стукнул кубком о стол чуть громче, чем обычно. Патрик, сделав страшные глаза, взглянул на Мартина, а тот, в свою очередь, переадресовал взгляд Шону. Рыцарь Сентября же, слегка приподняв брови, поинтересовался:

– А Браннан знает?

– Разумеется.

– И как он воспринял эту поразительную новость?

Фиахна рассмеялся.

– О-о-о, он был очень зол! Но бесы с ним, этот парень с детства слыл вспыльчивым, как лесной пожар. Сейчас я хочу знать, что скажет Каллахан.

Командир встал и, поколебавшись всего мгновение, склонил голову перед Фиахной. Бусины в его волосах звякнули друг об друга.

– Рассчитываю на твою мудрость, дядя.

Шон, не удержавшись, прыснул в кулак, но быстро взял себя в руки. Кажется, мудрость была именно тем, чего Фиахне всегда не доставало.

– Вот и прекрасно! – новоявленный наместник хлопнул в ладоши. – Розмари, дорогая, налей мне ещё вина. Мы непременно должны выпить за здравомыслие. Никто же не будет возражать, если я назначу эту гостеприимную обитель своей временной резиденцией?

Кажется, Патрик очень даже возражал. По тому, как недобро сверкнули его глаза, он готов был во всеуслышание заявить об этом, добавив словечек, которые обычно не употребляют за общим столом. Но Мартин закрыл ему рот рукой.

Фиахна с сомнением посмотрел на потолок и углы, затянутые паутиной.

– Кое-что, конечно, надо будет переделать. И покрасивее обставить мои покои. Сейчас там весьма уныло.

– Я распоряжусь, – сухо сказал Каллахан.

– О, не стоит себя утруждать, дорогой племянник! Я сам всё устрою. Поверь, мне это будет даже в радость. Люблю что-то делать для других, – Фиахна поправил серебряный браслет на руке, любясь искусной чеканкой. – И кстати... я пригласил в гости Браннана. Нам надо будет кое-что обсудить втроём. Он прибудет сегодня к ужину – как раз успеет на пир. Вот он, между прочим, быстрый парень, не то что некоторые...

Теперь уже Каллахан поймал отчаянный взгляд мастера Патрика и покачал головой:

– Дядя, могу я попросить впредь предупреждать о гостях

заранее? Так будет удобнее всем нам.

– Я учту эту просьбу, – Фиахна лучезарно улыбнулся. – Особенно если прекрасная Розмари попросит меня о том же. Что скажешь, Роз? Стоит нам прислушаться к словам моего племянника?

– Д-да, пожалуйста, – еле выдавила девушка, разглядывая трещинки на деревянной поверхности стола. – Д-думаю, это очень-та разумно было бы.

– Значит, быть посему, – Фиахна хлопнул ладонью о стол (Розмари вздрогнула) и повернулся к Шону. – И раз уж Браннан всё равно будет здесь, я спрошу с него за твоё лицо. Мой дорогой сын ничем не заслужил стольких лет позора.

– Папа, оставь! Мы сами разберёмся, – в отчаянии прошипел рыцарь Сентября, но отец его уже не слушал.

Фиахна встал, потянулся, прошёлся вдоль стола, погладил ворона (тот с удовольствием подставил пернатую макушку), потрепал по волосам Келликейт, хлопнул барда по плечу, а потом вдруг достал из кармана монетку и подбросил её в воздух.

– Да, кстати, пока я управляю Неблагим двором, мне понадобится паж... оруженосец... помощник... а, не важно, в общем, всё вместе. Я выбираю тебя, – монетка упала на стол прямо перед Элмериком, и тонкий палец эльфа упёрся барду в грудь. – Если никто не против, конечно.

Но все уже поняли, что спорить с Фиахной бесполезно. Он не услышит и всё равно сделает по-своему.

– Мне, кажется, или я пропустил что-то важное?.. – задрал голову, Джерри в изумлении взирал на высокие белые башни, выросшие на месте мельницы.

– А ты ещё больше по девкам бегай, и вообще всё проспишь! – фыркнул Элмерик, наслаждаясь его замешательством. – Мы теперь живём в королевском замке.

Чудесная серебряная черепица отбрасывала на стены солнечные блики. На самой высокой из башен развевался стяг с белым листом цветущего папоротника на фиолетовом поле – это был герб Фиахны. На башенке поменьше колыхалось другое знамя: белый сокол на чёрном поле. Элмерику хотелось думать, что оно вывешено в честь всего отряда, но, скорее всего, новоявленный регент таким образом чествовал своего племянника, и только. Догадку подтверждало и то, что прямо сейчас брауни прилаживали флаг на третий шпиль, где на белом поле раскинул крылья чёрный ворон – любимая птица Браннана.

Фиахна помнил, что белый цвет в геральдике означает серебро, поэтому и цветущий папоротник, и сокол, и поле, по которому летел ворон, испускали слабое сияние, отливая перламутром. Ночью знамёна наверняка будет видно издалека. А замок всё ещё перестраивался: за утро он уже стал раза в два больше. Интересно, это иллюзия или Фиахна и впрямь

поработал с пространством?

– О, ты даже не представляешь, что тут творится! – Келликейт обеими руками придержала капюшон, чтобы его не сорвал ветер. – Элмерик у нас теперь оруженосец эльфийского короля. А Розмари уже почти фаворитка.

– Не короля, а всего лишь наместника, – поправил её бард, но Джерри, казалось, его не слышал.

– Какой ещё, к бесам, король?!

– Говорю же тебе: эльфийский! – Келликейт подробно пересказала ему последние новости, а Элмерик не без ехидства наблюдал, как глаза Джеримэйна расширяются всё больше.

– Ну дела... выходит, наша милашка Роз таки охмурила эльфа? – присвистнул он.

– Да иди ты! – беззлобно фыркнула Розмари.

– Это ещё кто кого охмурил. Вообще-то, это он ей проходу не даёт, – Келликейт поджала губы.

– А тебе что, завидно? – Розмари снова покраснела как мак.

– Но ты же не против его ухаживаний? – уточнил у неё Джерри, уже по-настоящему хмурясь и сжимая кулаки.

Элмерика позабавила его готовность вступить за подругу, даже если придётся иметь дело с эльфийским королём или наместником. И не важно, что Фиакна этого забияку одним пальцем отделает так, что даже Медб не снилось...

Девушка мотнула головой и приложила ладони к полыхающим щекам.

– Не-а, не против. Вот только не знаю-та, что ж мне с ним делать-та теперича?

Джеримэйн пожал плечами. Мол, раз не против, то разбейся сама со своими эльфами.

– А тебя самого где носило? – поинтересовалась Келликейт.

– Да мы тут с Мэриэнн гуляли... – в его голосе Элмерик ожидал услышать похвальбу, а вовсе не досаду. Но, кажется, Джерри был совсем не рад. – Слушайте, а этому вашему Фиахне случаем второй оруженосец не нужен?

А, так вот в чём дело! Бард едва не рассмеялся – какова ирония судьбы, а? Джеримэйн завидовал, что Элмерику посчастливилось стать оруженосцем эльфийского короля, а бард, в свою очередь, так же отчаянно завидовал, что Джерри может беспрепятственно встречаться со своей возлюбленной и никто ему слова поперёк не скажет. Он бы даже поменялся местами, если бы это могло чем-то помочь.

Тем временем брауни с непонятным человеческому уху воркотанием потащили флаг Браннана вниз: пролетавшая мимо птица умудрилась нагадить ровно по центру полотнища.

– М-да, чую, Браннан будет не рад! – хохотнул Джеримэйн.

В тот миг они даже не представляли насколько...

Глава третья

Два всадника на чёрных конях появились из тумана на закате. Не вышли из него, а будто возникли в низине под холмом. Копыта, никогда не знавшие подков, выворачивали комья сухой земли из дороги, ведущей на мельницу. А от самой мельницы к тому времени уже ничего не осталось: на вершине холма вырос самый настоящий замок с пятью башнями, крепостной стеной и слегка заболоченным рвом, через который был переброшен крепкий деревянный мост. Все флаги уже развевались на шпилях, и Браннан, к счастью, так и не узнал, какая печальная участь недавно постигла его личный герб.

С крепостной стены Соколы наблюдали, как гости въезжают во двор замка.

– Какого?.. – Шон не без труда проглотил рвущееся наружу ругательство. – Папа, он притащил с собой Эйвеона!

– Прости, я и забыл, что вы не ладите. Но ты не злился, сынок. Эйвеон не виноват в том, что с тобой случилось. Все знают, что это сделал Браннан, – Фиахна поправил узорную перевязь и похлопал по рукояти своего меча. – Посмотри-ка, я хорошо выгляжу?

– Нормально, – Шон вздохнул.

Фиахна заулыбался и потрепал Элмерика по рыжей макушке.

– Оруженосец, вина мне!

Признаться, бард совсем не ожидал, что по большей части ему придётся прислуживать новоявленному господину. Кажется, тот не совсем понимал разницу между доверенным лицом, оруженосцем и личным слугой.

– А мы разве не собираемся выехать им навстречу? – уточнил Каллахан. В закатных лучах волосы Каллахана выглядели бледно-золотыми.

– Ещё чего! Ни к чему себя утруждать. Они сами прекрасно видят, куда ехать.

Оставалось лишь гадать, был ли Фиахна просто-напросто невежей или же с самого начала хотел показать Браннану, кто тут хозяин положения. Элмерик скорее поставил бы на второе.

Он уже собрался отправиться за вином, но Фиахна остановил его, шепнув на ухо:

– И передай девице Розмари, что после полуночи я буду ждать её в своей спальне.

– Что, вот прямо так и передать? – бард аж поперхнулся.

– Если хочешь, можешь добавить от себя парочку любезностей в моём стиле, – самонадеянно улыбнулся эльф.

Элмерик открыл рот и тут же закрыл его. Он так и не придумал, как бы повежливее ответить, что ни за что не будет этого делать.

Сказать, что Браннан был зол, – это ничего не сказать. Как только всадники миновали мост, стали слышны все те неприличные эльфийские слова, которыми он поносил любимого дядюшку.

Оставив коня во дворе и бегом взлетев на крепостную стену (Эйвеон едва поспевал следом), король-воин остановился прямо перед Фиахной и, глядя тому в глаза, яростно выпалил:

– Я не признаю тебя наместником Финварры и проводником его воли! Не видать тебе моего королевства!

Фиахна задумался, закусив губу, втянул носом свежий закатный ветерок и предложил:

– Может, сперва выпьем?

И Элмеруку опять пришлось наливать. Конечно, Браннан узнал барда и криво усмехнулся, обращаясь к Каллахану.

– Вижу, ты убедился, что этот ученик годится лишь для того, чтобы подавать вино. Рад, что ты больше не даёшь ему арфу! Незачем мучить хороший инструмент.

– Я тоже рад встрече, – командир не изменился в лице. – Вижу, запас твоих остроумств не иссяк при дворе королевы Медб, и ты всё ещё не можешь остановиться?

Браннан, не удостоив брата ответом, снова обернулся к Фиахне.

– А ты неплохо тут обустроился. Мудрое решение. Потому что моего дворца тебе не видать.

– Каллахан признал моё право решать, признаешь и ты, – наместник коснулся своего лба, и на челе его засиял невидимый до сих пор венец из белого золота, на котором переливались тёмные гроздья гранатов.

Браннан отшатнулся – судя по всему, венец он узнал. Фиахна же как ни в чём не бывало продолжил:

– Твой отец вручил его мне, чтобы я передал достойнейшему из правителей. Он отметил, что это не обязательно должен быть кто-то из его сыновей. Ведь вы ещё юны и можете оказаться не готовы к столь тяжкой ноше.

Король-воин едва не задохнулся от ярости, и Элмерик на всякий случай отступил на пару шагов. Ему было неудобно находиться на высоченной крепостной стене рядом с настолько разгневанным эльфом. Фиахну же, казалось, злость племянника только забавляла.

– Ты позвал меня в гости затем, чтобы унижать на глазах у всех? – прошипел Браннан, буравя его ненавидящим взглядом.

– Нет, я хочу поговорить с тобой и с Каллаханом. За закрытыми дверями.

– Тогда чего мы ждём? Я не собираюсь задерживаться здесь надолго.

– И слава богам! – шепнул кто-то у Элмерика за спиной. Кажется, это был Шон.

– Теперь, когда мы поприветствовали друг друга как следует, прошу проследовать в мои покои. Остальным не рекомендую даже приближаться к дверям: я позаботился о защите и обязательно замечу, если кто-то решится нас подслушать.

Фиахна сделал приглашающий жест рукой и первым зашагал вниз по крутой каменной лестнице. Соколы проводили командира и его родичей настороженными взглядами. Когда их шаги стихли, гнетущее молчание первым нарушил Мартин:

– Что-то мне подсказывает, что никакого пира сегодня не будет.

– А ты так хотел попить? – хмыкнул Шон.

– В этой компании? – Мартин задумчиво поскрёб подбородок. – Пожалуй, нет.

– Я всё слышал, – Эйвеон улыбался, но Элмерика это напускное радушие не обмануло. И как же ему челюсть не сводит-то, лицемеру такому?

В отличие от прошлого раза, когда они виделись, Эйвеон выглядел более величественно. Всё-таки не на охоту в лес собрался, а на важные переговоры. В его одеждах преобладали синие и серые оттенки, больше соответствующие его титулу принца Грозных Дней.

В воздухе тоже вдруг запахло грозой.

– Ну слышал, и что? Донесёшь? Думаешь, он не знает, что его тут не любят? – Шон хотел было уйти, но Эйвеон пре-

градил ему путь.

– «Не любят», – передразнил он. – Ты хоть понимаешь, что сейчас происходит? Или для твоих недоэльфийских мозгов это слишком сложно? Так давай я поясню.

Шон резко вскинул голову. Мартин тут же встал с ним рядом и тронул за рукав:

– Оставь его. Пойдём.

– Нет уж, – рыцарь Сентября сплёл руки на груди. – Давай послушаем. Мозги недоэльфийские ему, видите ли, не нравятся. А как всюду ходить с недоэльфийской рожей – это, значит, ничего? Это мы можем?

Рука Эйвеона дернулась, словно он хотел выхватить меч, но в последний момент передумал.

– Вор! – Шон был зол и явно нарывался, его глаза горели лихорадочным блеском, ноздри раздувались; казалось, он даже испытывал какое-то странное удовольствие от этой перепалки.

– Ты же знаешь, это была не моя идея!

– Давай, вали всё на Браннана!

Элмерик не знал, что делать. А ну как эти двое и правда сцепятся не на жизнь, а на смерть? Бежать к Каллахану бессмысленно – защита Фиахны никого не пропустит. К мастер Патрику? Пока тот влезет на стену, может быть уже поздно. Мастер Флориан ещё не совсем оправился. Мастера Дэррека нет в замке. Конечно, Мартин был уже здесь, и он часто выступал миротворцем в чужих ссорах, но чутьё подсказывало

барду, что сейчас был не тот случай.

– Я лишь хочу сказать, что Браннан – хороший король. Глуп тот, кто этого не видит. Ваш Каллахан попросту сбежал, а Браннан взвалил на свои плечи всё королевство. Теперь же Фиахна прибыл на всё готовенькое и хочет узурпировать власть, – где-то вдалеке глухо заворчал гром, словно подтверждая слова Эйвеона.

– Тот Фиахна, которого я знаю, никогда не желал взойти на трон. Я думал, ты тоже его знаешь. Или мы говорим о разных эльфах?

Серая мгла заволокла небо, и только над головой Шона в просвете туч продолжало сиять закатное солнце.

– Все меняются со временем.

– Глупости, – рыцарь Сентября шагнул вперёд, теперь они с Эйвеоном стояли почти вплотную. – Если Браннан такой хороший правитель, почему бы вам просто не подождать, пока Фиахна сам не передаст ему венец Финварры? Куда спешить? У Дворов перемирие...

– Которое Фиахна, кстати, не подтвердил.

– Значит, ещё подтвердит.

– Ой ли? Смотрите, как мы защищаем папочку! Думаешь, тебе что-нибудь перепадёт от его щедрот?

В вышине громко захлопали от ветра полотнища флагов. Чёрный и белый сцепились меж собой и никак не могли разъединиться. Фиолетовый по-прежнему гордо реял выше всех.

– Я никогда не претендовал на трон, – процедил Шон

сквозь зубы, бледнея.

Мартин ещё более настойчиво тронул его за рукав, но рыцарь Сентября лишь повёл плечом, отмахиваясь от него.

– Я знаю, у тебя было целых две веских причины этого не делать. Но если вмешается папа... – Эйвеон многозначительно умолк, играя бровями.

– Перестань, – сказал Мартин уже принцу Грозовых Дней. – Вы оба заходите слишком далеко.

– Я просто хочу, чтобы Браннан получил то, чего заслуживает. Просто не стойте у нас на пути, – Эйвеон отступил на шаг, открывая дорогу к лестнице.

– Давайте сперва дождёмся окончания переговоров... – Мартин попытался увести Шона, но тот стоял крепко, как скала.

– Пусть договорит, раз уж начал. Что за веские причины? Эйвеон вздохнул.

– Твоё происхождение. Негоже недоэльфу править эльфами.

– Но это не запрещено, – ледяным тоном напомнил рыцарь Сентября. Плащ колыхался у него за спиной, будто чёрные вороны крылья.

– Да. Но есть и вторая причина.

– Какая же?

– Забыл? Ты – уродлив.

Эйвеон развёл руками и в следующий же миг согнулся от удара под дых, хватая ртом воздух.

– Давно мечтал это сделать. – Шон облизал сбитые ко-
стяшки пальцев и кивнул Мартину. – А теперь пошли.

Но тут Эйвеон выхватил меч из ножен и с рёвом бросился
вперёд. Ярость затмила его рассудок: он даже не сразу заме-
тил, что Шон безоружен, опомнился, только получив водя-
ным заклятием в лоб и взревел:

– Возьми оружие! Сражайся мечом и магией, как все!

Мартин вложил свой клинок в протянутую руку Шона.
Элмерик помнил, что это волшебный меч, способный нане-
сти раны эльфу. Но и у Эйвеона наверняка был такой же.

Сталь ударилась о сталь, в стороны брызнули искры. Неиз-
вестно, чем бы всё закончилось, но, к счастью, в этот момент
раздался зычный голос Браннана:

– Что тут происходит? А ну прекратите, живо!

Заслышав окрик, Эйвеон вмиг отступил и спрятал клинок
в ножны. Рыцарь Сентября так и остался стоять с обнажён-
ным мечом, но не атаковал.

Браннан встал перед ним, отстранив Эйвеона плечом и
обратился к Шону.

– Убери меч, Шон, – это был не приказ, а просьба. – Если
хочешь, я принесу тебе извинения за поведение моего вас-
сала.

– Не нужно извинений. Просто исполни то, что обещал, –
рыцарь Сентября вернул меч Мартину.

Браннан кивнул и вдруг понизил голос до тихого шёпота.
Слов почти не было слышно, но Элмерiku удалось прочитать

по губам:

– Я нашёл цветок.

А потом Мартин заслонил его своей спиной, и больше ничего разобрать не удалось.

Небо темнело, на замок спустились сумерки.

– До чего вы договорились, мой король? – сгорая от любопытства, спросил Эйвеон.

Ох, зря он напомнил о своём существовании! Браннан, злобно глянув в его сторону, рявкнул:

– Дома поговорим. Мы уходим. Немедленно!

Почти бегом они спустились во двор и вскочили на коней. Мост через замковый ров со скрежетом поднялся сразу за их спинами. Поспешный отъезд больше напоминал бегство.

– Кажется, что-то пошло не так, – вздохнул Шон.

– Да... полагаю, переговоры не задались. – Мартин точь-в-точь скопировал его вздох.

* * *

Ближе к вечеру выяснилось, что всё прошло не просто плохо, а очень плохо. Браннан не только отказался признать Фиахну наместником отца, но и усомнился в его праве судить и выбирать. Они крепко поссорились, и тут уже Каллахану пришлось выступать в роли миротворца. Браннан поклялся, что во времена его правления и ноги Фиахны не будет при Неблагом дворе. В ответ Фиахна объявил, что лиша-

ет Браннана права наследования и будет править сам, пока не сыщется достойный преемник.

Низложенный король-воин сбежал и каким-то непостижимым образом умудрился закрыть за собой все пути. Сколько Фиахна ни пытался, ничего не получалось: он мог пройти куда угодно, в любой из миров, но только не в Неблагой двор. Похоже, земля продолжала считать правителем именно Браннана.

Тогда наместник отправил с вестями птиц. Поскольку уже спустилась ночь, это были совы. Они понесли вести другим эльфийским правителям и лордам, что новый король Неблагого двора вернулся из Аннуина и приветствует собратьев.

– Не зря я построил такой замок, – неудачные переговоры, похоже, ничуть не огорчили Фиахну и он по привычке улыбался. – Поживу пока тут. А там, глядишь, что-нибудь да изменится. Ты уже передал Розмари, что я велел?

Элмерик покачал головой.

– Тогда беги, чего стоишь!

– Но вы же вроде хотели пир. В вашу честь, – проямлил бард. – Может, лучше того... начать приготовления?

– До пира ли нам теперь? – Фиахна подпёр кулаком скулу. – Ох, и тяжёлую же задачку задал мне братец! Иди, мальчик, иди, не зли меня...

Разумеется, Розмари оказалась не в восторге. Хорошо ещё, не вlepила Элмерику леща. А могла бы сгоряча-то.

– Что он себе позволяет-та? – она бегала взад-вперёд по

кухне, и половицы жалобно скрипели под её ногами. – Наглец! Охальник остроухий!

Разумеется, на крик сбежались остальные Соколята и Мартин. Бард только и успевал, что поддакивать. А Розмари бушевала, гремя тарелками:

– Я ему кто? Подзаборная девка? Вон Келликейт-та своему королю от ворот поворот дала-та! И я дам. Зуботычину! И метлой его, метлой-та промеж ушей!

– Только меня не приплетай! – фыркнула Келликейт. – Мой король повежливее этого будет. Хотя... тоже балбес самонадеянный, да простят меня подданные Его Величества. Может, это у них общая королевская черта?

– Это какая ж?

– Да самонадеянность же.

– А-а-а, да! – Розмари ударила тряпкой по краю стола, подняв в воздух облако мучной пыли. – Вот ему! За всё хорошее-та! На орехи!

– А это правда, что Роз похожа на покойную матушку Шо-на? – Джеримэйн спрашивал у Мартина, но остальные тоже слышали.

– Я сам не видел. Давно дело было. Но Шон говорит, что да. Он-то сам и лицом, и статью в отца пошёл, а Фиахна всегда любил смертных дев. Матушку Шо-на, говорят, вообще из родного племени своровал. И до, и после неё были другие, но все как одна: крепкие, рослые, белокурые и светлоглазые. В общем, как наша Розмари.

– Ах вот оно что! – девушка, отбросив тряпку, схватилась за скалку. – Другие, значит!

– Остынь, дурёха! – Джерри едва успел увернуться, а то бы и ему досталось. – Послушай, он же эльф! Конечно, у него таких как ты были сотни. Если не тыщи. Так... а теперь разве будем, значит?

– Ну тебя к бесам! – всхлипнула Розмари. – Не хочу я больше никаких эльфов-та! Красивые-та, да пустые.

– Ну, положим, не все... – Мартин забрал скалку из её рук и усадил девушку на лавку.

– Может, не все. Но этот-та точно пустой! И мне такой не нужен-та! Вот, – Розмари глотала слёзы, уткнувшись лбом в его плечо.

Элмерик прекрасно понимал, что она лжёт.

* * *

– Ну где же моя прекрасная Розмари? – эльф в одной рубашке высунулся в коридор. – Она просила что-нибудь передать?

– Она передаёт... – Элмерику едва хватало сил сдержать злорадство и остаться серьёзным, – ...что вы наглец и охальник остроухий, Ваше Величество!

Фиакна наморщил лоб.

– Полагаю, это означает «нет»?

– Полагаю, вы правы.

– А, ну ладно... Нет так нет, – он пожал плечами и захлопнул дверь прямо перед носом у барда.

Элмерик, вздохнув, поплёлся в комнату, которую ему выделили неподалёку от покоев наместника. Там он зажжёт свечу, забрался под одеяло и ждал до самого рассвета, пока не провалился в сон.

А Ллиун так и не пришла.

* * *

– Она его со свету сживёт, точно тебе говорю! – брызгал слюной мастер Патрик. – Упустим парня! Если уже не упустили.

Элмерик как раз поднимался из погреба, куда ходил за очередной бутылкой вина для Фиахны, и замешкался у двери в кабинет старого алхимика, услышав голоса. Ему показалось, что наставники говорили о нём и его возлюбленной лианнан ши.

Как ни странно, этой части мельницы изменения почти не коснулись: те же дощатые стены, скрипучие половицы и невысокий потолок. Наверное, Фиахна сохранил кусочек прежнего особняка, чтобы угодить мастеру Патрику, который яростно противился всем новшествам. Прежними остались его кабинет на первом этаже, кусок коридора и кухни. Про последнюю Фиахна, скорее всего, просто не подумал. Как и про мельницу. Для него большим удивлением стало,

что чернолессцам нужно молоть муку. Повздыхав, он обещал вернуть колесо и жернова через пару дней.

– Подумаешь, лианнан ши! Бывает и хуже. – Элмерик узнал беспечный голос Мартина. – Каллахан так считает, и я с ним согласен.

– Но мальчик же бард! – с возмущением фыркнула леди Эллифлор.

Да, ошибки не было. Говорили и впрямь о них. Значит, старик всё-таки наябедничал.

– Если хотите, я попрошу отца поставить защиту на дом. От проникновения со злым умыслом. – предложил Шон.

– Говорю вам: парень сам справится. Да и знаю я эту лианнан ши. И ты знаешь, Сентябрь. Ну, та зеленоглазая красотка. Помнишь, ты ещё мой плед у неё забирал, когда я умер? Ну вот.

Элмерик ощутил укол ревности. Мартин говорил о Ллиун, будто о старой знакомой. И та, помнится, ещё зимой расспрашивала о чародее, оставившем ей плед. Яблонева девушка, конечно, не обещала хранить ему верность. Скорее всего, она даже не представляла, как это и зачем. Но, болотные бесы, почему опять Мартин?

– Как же, помню-помню! Этой палец в рот не клади! Она даже из-под подчиняющего заклятия Лисандра выкрутилась. Ну я, конечно, помог ей немного.

– А защиту я уже подновил, не беспокойтесь, – прошелеstel старый алхимик. – Теперь ей сюда не пробраться.

Ага, так вот почему Лиун не пришла! У Элмерика отлегло от сердца. Помнится, тогда, зимой, она тоже не могла войти в каменный круг...

– Дождётесь, что парень сбежит за ней в лес! – Мартин будто прочитал мысли барда. – Помяните моё слово: мы его не удержим.

– Тогда пусть Каллахан ему запретит! – не унимался Патрик.

– Нет.

Командир не собирался спорить. Он уже всё решил: Элмерик почувствовал это по тону, с которым было сказано это веское «нет».

– Мне что, нужно напоминать: нет существа опаснее, чем лианнан ши? Особенно для барда.

– Я знаю, Патрик, – Каллахан говорил тихо, но твёрдо: таким голосом, казалось, можно остановить даже снежную лавину в горах. – Но и от неё может быть польза. Яблоневые девы пробуждают бардовский огонь.

– А потом в том самом огне барды и сгорают. Начисто, – от замогильного голоса леди Эллифлор по спине Элмерика пробежали мурашки.

– Не успеет. Ну, может, потеряет пару лет жизни... Я прослежу. Зато могущество, которое можно обрести таким способом, с лихвой окупит потраченные годы. В итоге он проживёт дольше своих сверстников. Можно сказать, что ему повезло.

– Повезло, ха! Не ты ли всё это подстроил, хитрый лис? – Патрик неодобрительно крикнул. Послышался звук, будто колба удалилась о колбу. Видать, у старого алхимика дрогнула рука.

– Не совсем, – Элмерик представил привычную полуулыбку на губах командира. – Я просто воспользовался подвернувшимся случаем. Оставьте мальчика в покое. Пусть радуется. В конце концов, им всё равно суждено расстаться. Если только... впрочем, нет. Это вряд ли.

– Что «вряд ли»?

– Вряд ли она его полюбит по-настоящему. Обычно лианнан ши не способны на такие чувства. Любопытство – да. Влечение. Даже привязанность, но не любовь.

– Ну ладно, тебе виднее, – мастер Патрик смирился, но, похоже, так и не согласился. – А защиту всё равно пока не снимайте. Мало ли! Времена нынче беспокойные.

Изнутри комнаты слышались приближающиеся шаркающие шаги, и Элмерик поспешно отпрянул от двери. Он взбежал по лестнице, не чуя ног. Фиахна, наверное, уже ждался своего вина.

Надо будет выпросить себе пару часов свободного времени и сбегать к лианнан ши в лес. Интересно, сумеет он снова найти ту яблоневою поляну? И почему это им суждено расстаться? Элмерику даже с Брендалин не было так хорошо!. Он собирался быть с Ллиун до конца своих дней. И как это она будет отнимать жизнь, а потом годы всё равно вернуться?

И если лианнан ши пробуждает бардовские таланты, почему ему пока не хочется ничего написать или спеть? Они ещё мало виделись? Надо ещё? Да, определённо.

Подслушанный разговор оставил больше вопросов, чем ответов. И их стало ещё больше, когда выяснилось, что утром мастера Флориана покинул его верный Бран. Вот просто улетел – и всё.

Соколята облазили окрестности, испробовали десятки известных заклятий поиска живого и мёртвого, но ручной ворон как сквозь землю провалился. Даже Каллахан не смог его почуять – а ведь именно он когда-то взрастил и воспитал птицу. Флориану пришлось смириться с тем, что он временно онемел. Командир пообещал ему подыскать другого говорящего помощника, но пока наставник вынужден был страдать молча. Похоже, он очень привязался к своему питомцу.

Эллифлор утешала брата как могла. Гладила по плечу, хоть и не могла в полной мере его коснуться, говорила, что Бран ещё может вернуться, но, кажется, сама в это не верила.

* * *

Свежую рану мастера Флориана ещё больше разбередило появление говорящего скворца – посланника Медб. Тот влетел в окно утром следующего дня, спикировал на стол прямо перед Фиахной и проскрежетал:

– Подтвер-рди пер-ремир-рие, и я пр-ризнаю тебя пр-ра-

вителем Неблагого двор-ра, – птица настойчиво щёлкнула клювом, прося лакомство.

– Передай, пусть сперва признает, а потом я сразу же подтверждаю семилетний мир, – Фиахна показал крылатому посланнику кусочек сушёной вишни.

Глаза скворца вспыхнули знакомой зеленью.

– Пр-ризнаю я, пр-ризнаю! Ишь, хитр-рец!

– В таком случае мир, королева, – эльф протянул птице вишню на ладони, и та немедленно склевала её, слегка ущипнув за кожу.

– По р-рукам! – скворец-Медб взмахнул крыльями. – Быстр-ро же ты согласился!

– Я пришёл сюда не воевать... Как думаешь: кто-нибудь в этом мире ещё помнит, что ты любишь вишню?

Каллахан, стоявший за его правым плечом, усмехнулся, но промолчал.

– Слушай, просто интересно, – Фиахна склонил голову набок (сегодня кончик его косы украшал бутон маленькой садовой розы). – Ты в облике птицы к нам пожаловала или просто захватила её маленькое пернатое тельце, а сама сидишь у себя во дворце и наблюдаешь?

– А это важно? – в голосе скворца послышалась лёгкая усмешка. – Спр-роси у него – он точно видит.

Фиахна покосился на Каллахана – тот покачал головой. Наместник заметно расслабился и скормил скворцу ещё одну сушёную вишню.

– Хорошо. Просто я обещал своим добрым друзьям, что если соберусь кого пригласить в гости, то скажу им об этом заранее, чтобы они могли подготовиться должным образом. Так что, если решишь явиться лично, предупреди уж.

– Не то чтобы я собир-ралась... но учту, учту. Говор-рят, Бр-раннан очень зол на вас обоих.

– Как и я на него, – Фиахна подставил руку, и скворец вспрыгнул на неё, обхватив палец цепкими лапками. – А ты, говорят, скоро станешь матерью моего внука?

– Вер-рно. Ты не р-рад? Это была честная сделка. Р-ребёнок в обмен на зр-рение. Теперь в нём и моя кр-ровь тоже.

– Кровь двух дворов. Для чего тебе понадобилось это дитя?

Скворец запрокинул голову и часто-часто защёлкал клювом. Кажется, это был смех.

– Ха, так я тебе и р-рассказала!

– Ладно, мы вернёмся к этому позже.

Фиахна стряхнул птицу с пальца. Скворец-Медб взмахнул крыльями, сделал круг по саду и протрещал:

– Не забудь: ты обещал пер-ремирие.

Когда королева улетела, Фиахна выдохнул и принялся обмахиваться краем туники.

– Уфф, хорошо, что она не стала припоминать, при каких обстоятельствах я узнал про её любимые вишни! Каллахан, а привези-ка мне короля.

– Какого? – командир Соколов поднял брови достаточно

высоко, чтобы выглядеть обескураженным такой неожиданной сменой темы.

– Короля людей, конечно. Мне нужно заручиться и его поддержкой тоже.

– И ты хочешь, чтобы я привёз его сюда? – лицо Каллахана снова приняло обычный невозмутимый вид.

«Наверное, ещё немного, и он совсем разучится удивляться, – подумал Элмерик. – Ну, или по крайней мере показывать удивление».

– А что? По-моему, здесь довольно мило. И я приглашаю, – Фиахна взял у Элмерика с подноса яблоко и с хрустом надкусил его; по его щеке потекла капля сока. – Неужели у него не найдётся минутки?

– И когда мне отправиться? – Каллахан глянул в небо: солнце уже перевалило за полдень.

– Прямо сейчас. Зачем откладывать?

Командир пожал плечами.

– Как скажешь. Но я не обещаю, что он приедет.

– А ты постарайся. Уговори его.

Когда Каллахан ушёл, Фиахна, глядя ему вслед, горько вздохнул:

– Эх! Всё дела, дела... Когда уже, наконец, я устрою пир в свою честь? Я, между прочим, вернулся из Аннуина. Такое не каждый день случается. И не всякому удаётся.

– Но эльфам всё же чаще, чем людям, – Элмерик, не дожидаясь, пока наместник попросит, протянул ему кубок. –

Сегодня канун Остары. Праздник. Правда, не в вашу честь, но всё-таки повод...

– А, ладно, – Фиахна пульнул огрызок яблока в куст за окном, откуда тотчас же выпорхнула испуганная малиновка. – Остара тоже сойдёт. Погуляем от души! Очень кстати и любимый племянник уедет. Он же у нас главный противник пиров. И как вы тут с ним ещё не сдохли от скуки?

* * *

– Вы это видели? Он снова переделал гостиную! – взволнованная Келликейт переступила порог кухни.

Соколята теперь собирались здесь. Их всех тянуло в единственное место, где с приездом Фиахны ничего не изменилось. Старая кухня теперь ощущалась небольшим островком порядка среди творящегося хаоса. А ещё сюда не заходил Фиахна (наверное, считал это ниже своего достоинства), поэтому тут можно было смело высказывать всё, что накипело. А у них, по правде говоря, накипело уже изрядно.

– И что там нынче? – Джерри по привычке устроился подалеже от всех, на подоконнике.

– Будете смеяться, но лес. Вернее, поляна. С камином в дупле огромного старого дуба и ковром из плюща. Больше я ничего рассмотреть не успела – он меня выгнал. Мол, нечего смотреть, пока не закончил.

– Мало нам леса за окном, теперь ещё и дома лес будет! –

фыркнул Джеримэйн, ковыряя ногтем краску.

– Как же раздражает... – Келликейт с размаху уселась на лавку, и Розмари подставила ей под нос блюдо с пирожками.

– Лес? – Джерри оставил в покое краску, послунявил палец и провёл им по стеклу. Соколята дружно вздрогнули от немелодичного скрипа.

– Нет же, Фиахна! – девушка взяла пирожок и повертела его в руках, пытаясь понять, с какой он начинкой. – Вы слышали? Он хочет, чтобы Риэган приехал!

Розмари посмотрела на неё с сочувствием.

– А ты не хочешь, чтобы он приезжал? А что ж всю зиму-та во дворце-та сидела? Видать, не так уж он тебе немила?

– Мы договорились не видеться до Бельтайна. Там он всё равно приедет, чтобы открыть Врата, – Келликейт вздохнула. – Но я обещала дать ему ответ после Летней Битвы. Если, конечно, останусь жива. И что мне теперь делать? Не разговаривать с ним? Опять прятаться? Глупо как-то...

– Тогда беги в лес, – предложил Джерри. – Ты же у нас лесная кошка.

А Розмари почесала в затылке:

– Погоди, что за ответ-та?

Келликейт как раз откусила от пирожка, поэтому ответила очень невнятно:

– Да он мефя замуф фофёт. Опяфь.

– А ты не хочешь? – Розмари участливо придвинулась

ближе. – Или хочешь? Или не знаешь?

– Ифи лефом! – Келликейт запихнула в рот ещё один пирожок целиком и мотнула головой.

– Ась?

– Думаю, она послала тебя лесом, – с ухмылкой пояснил Джеримэйн. – Спасибо Фиахне – идти теперь не очень далеко!

– А как же Орсон? – Элмерик ещё не закончил говорить, но по яростному взгляду, которым одарила его Келликейт, понял, что лучше было и не начинать. – Молчу, молчу. Не моё дело.

Розмари всплеснула руками:

– Ой, да ладно грустить-та! Сегодня ж праздник будет! Ух и повеселимся!

Но особого веселья в её голосе, впрочем, не слышалось.

– Нет, ребята, так не пойдёт! – Джерри спрыгнул с подоконника. – У меня есть идея! Давайте сейчас каждый выговорится, чем ему насолил Фиахна. И на праздник уже пойдём с лёгкой душой и без всяких задних мыслей.

Предложение Элмерiku понравилось, он даже пожалел, что ему самому ничего подобного в голову не пришло. Растянувшись на лавке и заложив руки за голову, он спросил:

– А ты сам придумал или кто подсказал?

– Вообще-то, это мастер Флориан надоумил, – нехотя признался Джеримэйн. – Ещё до того, как онемел. Сказал как-то: мол, яр-р-рости в тебе – ну, то есть во мне, – изр-р-рядно.

Выговор-р-ришься – пр-р-роще будет жить. Вот я и выговаривался раз за разом. Орал даже, пока не охрип. А он меня честно слушал.

– Интересно, а как она сам справляется? Он же не может выговориться, – задумчиво произнесла Келликейт, ни к кому не обращаясь.

Джеримэйн прочистил горло:

– Давайте я начну? Этот Фиахна – упёртый и самодовольный болван. Тоже мне, наместник выискался! Сидел бы в своём прекрасном Аннуине – нам без него было намного лучше! Теперь на мельнице – если это всё ещё можно назвать мельницей – полный бардак. В Чернолесье переполох: то баныши на мосту воеет, то замок в одночасье на холме вырос... А до Летней битвы, между прочим, остался месяц с хвостиком. И к чему мы готовимся? К празднику! Просто очаровательно! У наставников нет времени нас учить, потому что они носятся с этим дураком Фиахной... И голос его громкий тоже раздражает.

Он замолчал, чтобы перевести дух.

– Голос-та у него красивый... – Розмари шмыгнула носом. – И сам-та он тоже. Пожалуй, самый красивый эльф из тех, что я видала. И самый противный. Обращается-та с людьми, как с вещами. Будто все-та ему должны. Мы ему тут не игрушки! Ежели хочет иметь с нами дело-та, пусть сперва научится нас уважать.

– Как же, научится он! – фыркнул Джерри. – Лучше забудь

о нём, Роз. Он тебе не пара.

И Элмерик закивал, соглашаясь.

– Да-да, забудь. Встретишь другого, ещё лучше.

Розмари в ответ горько усмехнулась и постучала по лавке прямо возле головы барда.

– Ой, кто бы говорил-та! А сам ещё давеча сох по своей дрянной эльфийке, как листья в засуху!

– Это всё в прошлом, – Элмерик приподнялся на локте и тут же скривился, потому что от долгого лежания рука затекла. – Но ты права: нужно время.

– И что, ничегошеньки больше к ней не чувствуешь-та? Не скучаешь?

– Нет.

– Значит, правду-та говорят: с глаз долой – из сердца вон.

– Когда ты успела стать такой злоющей, Роз? – Элмерик шутя дёрнул её за завязку фартука.

– И не такой станешь с вами-та... – она несильно хлопнула его по руке и отодвинулась. – А я скажу как Келликейт: идите-ка лесом. И в мои с Фиахной дела не лезьте-та! Вы все уже меня достали.

Выпив добрый глоток эля прямо из кувшина, она принялась обмахиваться фартуком.

– Уф! Выговорились! Теперича и вправду полегчало-та!

– А я добавлю, что он постоянно пьёт вино командира, – пожаловался Элмерик. – Уже прилично выхлебал. И я вынужден бегать по лестнице в погреб и обратно. А покои-то у

него на самом верху. А ещё мне нужно всегда находиться рядом. Стоять за левым плечом. И чтобы всегда было что выпить, чем закусить, а также перо, чернила и бумага. У меня уже руки от подноса дрожат, а спина так вообще отваливается. Нет ни минуты покоя! «Элмерик, сделай то. Элмерик, сделай это...» Не понимаю, как я буду такими руками играть на арфе.

– Мда... – кажется, Джерри ему больше не завидовал. – Ну так скажи ему, что ты не железный. И попроси командира вступить.

– Как его попросишь, если он уехал? – Элмерик вздохнул, и в этот миг послышался звук колокольчика. – Вот, слышите? Опять зовёт! Я не могу больше!

– Пойдёшь? – Келликейт осторожно тронула его за плечо.

– А куда деваться?

Бард встал, надел сапоги и нехотя поплёлся к дверям. Уже на пороге он услышал, как Келликейт злобно скрипнула зубами:

– Вот, и за это тоже не люблю королей...

Глава четвёртая

На праздник всем было велено прийти босиком. Гостиная и в самом деле превратилась в волшебную поляну. Пол и стены увивал цепкий плющ, потолок густо заплели ветви цветущих деревьев, на которых то тут, то там мерцали голубоватые болотные огоньки, похожие на маленькие звёзды. Камин, как и говорила Келликейт, находился в дупле старого дуба, в нём по-прежнему горел огонь, но древесина даже не думала воспламеняться.

Обеденный стол обернулся огромным валуном с замшевыми зеленоватыми боками. Его поверхность была испещрена высеченными узорами – преимущественно листьями папоротника. Лавки тоже стали каменными, а кресло командира, в котором Фиахна полюбил сидеть, превратилось в настоящий трон с ажурно вырезанным гербом на высокой спинке. По углам стола на круглых древесных спилах, украшенных фиолетовыми цветками сон-травы, горели белые свечи. От одной свечи к другой тянулись золотые нити толщиной не больше паутинки, покрытые каплями росы.

В противоположном от камина конце залы бил настоящий родник, его струя стекала в круглый бассейн, выложенный гладкими камнями. От стола к источнику вела дорожка из светлого песка. Повсюду витал крепкий цветочный аромат, а ещё пахло предгрозовой свежестью, дождём и немного

грибами. Они тут, кстати, тоже росли повсюду. Светящиеся шляпки образовывали широкий круг на полу, внутри которого росла мягкая молодая травка. Элмерик решил, что это наверняка поляна для танцев. Догадку подтверждал и огромный плоский пенёк, весьма напоминающий помост для музыкантов.

Бард надеялся, что Фиахна не возжелает послушать его музыку. Гейс запрещал ему играть на арфе для увеселения публики, не для чар. А вот расчехлить флейту ничто не мешало, кроме разве что полного отсутствия праздничного настроения. Вот уехал бы наместник – тогда бы все повеселились...

Впрочем, идти за флейтой Элмерiku не пришлось: музыкантов эльф тоже сотворил сам. Они, несомненно, были иллюзией: ведь ни одна настоящая дриада по доброй воле не согласилась бы играть для смертных. Дикие красавицы со слегка раскосыми, как у оленей, глазами, босоногие, одетые в зелёный шёлк и собственную кору, смотрели на всех надменно, даже будучи иллюзиями, но дело своё знали хорошо. Первая играла на лютне, вторая – на скрипке, а третья – на колокольцах и трещотках. Этих чудесных мелодий Элмерик не знал.

Праздничный стол ломился от яств знакомых и незнакомых. В начале трапезы Фиахна предложил всем отведать зайчатины. Зайца он добыл сам – без ножа и огня, как того требовал древний обычай. Он раздал по кусочку каждому за

столом, остальное же отдал огню. Пламя в дупле выбросило вверх золотой сноп искр: наверное, это означало, что боги приняли жертву.

Фиахна поднял чашу:

– Пускай пойдёт в рост то, что мы хотим вырастить, а всё ненужное завянет и отомрёт без боли. С Остарой!

Сегодня он был одет по-домашнему: в сиреневую рубашу без рукавов со шнуровкой у горла, подпоясанную плетёным поясом, и широкие полотняные штаны. Видать, на Каллаха-на насмотрелся.

Сделав глоток, эльф пустил чашу посолонь. И никто из Соколов не пропустил очередь. Этим вечером в лесной зале собрались все, даже скорбящего мастера Флориана удалось вытащить – вместе с книгой и леди Эллифлор, конечно.

Фиахна, похоже, встретил леди-призрака впервые. Он долго вглядывался в её лицо, пока покрасневшая Эллифлор не прошептала, что рассматривать женщину так долго неприлично, потом зачем-то коснулся её юбки (палец беспрепятственно прошёл сквозь призрачный лиловый бархат) и задумчиво склонился к Флориану:

– Твоя жена?

– Вообще-то, сестра, – леди-призрак вздёрнула нос. – Разве не видно, мы же похожи!

– А ты заметил, что она умерла? – Фиахна все ещё обращался к Флориану.

– Как некультурно, – ахнула Эллифлор, – при всех указы-

вать женщине на её недостатки!

Эльф обернулся к ней с лёгким полупоклоном.

– Прости мою грубость, красавица. Я беседовал с твоим братом – он пустил меня в свои мысли и всё объяснил. Чтобы искупить свою вину, приглашаю тебя на танец.

– Я не могу. Я же призрак!

– А ты представь, что нет.

Фиахна протянул ей руку и вывел в грибной круг. Дриады заиграли весёлую мелодию – такую, что ноги сами попросились в пляс.

Эллифлор танцевала превосходно, а эльф – ещё лучше. На втором круге он притянул её к себе за руку и раскрутил. Элмерик поразился слаженности их движений: ведь невозможно в самом деле притянуть к себе бесплотного призрака! На третьем круге Фиахна поднял её за талию, перебрасывая через грибное кольцо. Эллифлор сияла, её щёки порозовели, дыхание участилось. На пятом круге на её висках выступил пот. Элмерик не понимал, что происходит, но впервые на его памяти леди-призрак выглядела... живой. Он перехватил ревнивый взгляд Розмари – кажется, та была совсем не рада, что Фиахна танцует с другой. Ох, Роз... ну и влипла же ты!

Когда танец закончился, Эллифлор, смеясь, присела перед Фиахной в реверансе. Он поцеловал её ладонь и чинно подвёл к Флориану.

– Это мой подарок на сегодняшний вечер.

Пока все пытались понять, что он имел в виду, Эллифлор, некуртуазно взвизгнув, заключила брата в объятия. Флориан побледнел и зашатался, а в следующий миг сжал её хрупкие плечи крепко-крепко. Элмерику показалось, что суровый чародей сейчас заплачет. Ну точно. По его щеке, оставляя влажную дорожку, скатилась слеза.

А бард наконец-то понял: ему не померещилось. Фиахна каким-то непостижимым способом действительно вернул Эллифлор к жизни. И та, едва оторвавшись от любимого брата (но так и не выпустив его ладонь из пальцев), принялась таскать со стола всё подряд: хлеб, мясо, соленья, печенье, булочки с начинкой...

Флориан ходил за ней как привязанный. Его распирало от невысказанных слов, но говорить он по-прежнему не мог – лишь вздыхал и виновато улыбался. А Элмерик понял, что никогда прежде не видел такого счастливого выражения на его лице.

Довольный и раскрасневшийся Фиахна вернулся на свой каменный трон и, осушив до дна кубок, потребовал ещё вина.

По правую руку от отца сидел Шон. Сегодня на нём не было привычной маски, и даже в неровном свете свечей было видно, как сильно они с отцом похожи. Розмари и Джеримэйн уже видели истинное лицо рыцаря Сентября, когда отмечали Йоль и Имболк, а вот Келликейт полюбоваться не довелось – помнится, оба праздника она провела в королев-

ском замке.

– Эй, не надо так таращиться! – Джерри склонился к ней. – Не то глаза вывалятся.

Вместо ответа Келликейт ткнула его кулаком в бок.

– А что же больше никто не танцует? – встрепнулся Фиахна. – Или музыка нехороша?

Эллифлор одарила эльфа очаровательной улыбкой и потащила брата в круг. Тот даже не упирался.

Фиахна радостно кивнул им и обвёл цепким взглядом оставшихся. Элмериду стало не по себе – он попытался спрятаться за спиной у Мартина.

– Ты и ты, – эльф указал на Келликейт и мастера Патрика. – Вы победили в состязании на самое мрачное лицо за этим столом. Теперь идите и пляшите джигу!

Келликейт даже ухом не повела, сделав вид, что сказанное к ней не относится. А мастер Патрик рассмеялся сухим старческим смехом:

– Я бы пошёл. Мартин не даст соврать: в молодости я так отплясывал – дай боги каждому! Но больше этому не бывать. Нога...

– А что нога? – Фиахна удивлённо склонил голову набок.

– Сломана.

– Но уже ведь срослась.

Настойчивость эльфа заставила Элмерика побледнеть и сжать кулаки. Краем глаза он заметил, как подобрался, будто бы для прыжка, Мартин, а Джерри начал привставать. Ма-

стер Патрик был самым суровым из наставников. Бард даже Каллахана боялся меньше. Но часто бывает так, что именно строгим учителям достаётся любовь учеников. Не сразу, конечно. Сперва их ненавидят за язвительность и извечные придирки, а потом вдруг оказывается, что вредный старикан уже прочно занял место в твоём сердце, и ты готов вступить за него, даже если для этого придётся потягаться с могущественным эльфом.

– Она неправильно срослась, – скрипнув зубами, пояснил мастер Патрик. – Я никогда не смогу ходить без трости. И танцевать тоже не смогу.

Он едва уловимо качнул головой, делая знак Мартину: мол, не надо, не лезь. А Фиахна улыбнулся, перехватив этот взгляд, и щёлкнул в воздухе пальцами.

– Иди и танцуй. Теперь всё правильно.

– Шутки шутить изволишь?

Мастер Патрик, нахмурившись, глянул исподлобья. Но всё-таки поднатужился и встал. Недоверие на его лице сменилось недоумением. Он убрал руку, которой опирался о стол. Перенёс вес на больную ногу. Сделал шаг. Другой. Третий... Мартин смотрел на брата, затаив дыхание.

– Ох! Стало быть, попляшем ещё! – мастер Патрик вдруг лихо подпрыгнул на месте и галантно протянул Келликейт сухую ладонь с длинными, как у скрипача, пальцами: – Позвольте, милая леди?

Разумеется, та пошла.

А зазевавшегося Элмерика вытащила в круг злющая, как оса, Розмари.

– Не делай такое лицо-та! Улыбайся, ну! А он пушай смотри-та, изменщик!

– Роз, тебе не кажется, что...

– Не кажется! – девушка рассмеялась в голос, кружась так, что её юбка хлестала Элмерика по коленям.

Белокурые волосы рассыпались по плечам, голубые глаза сияли, на запястьях звенели друг о друга тонкие обережные браслеты. Розмари была сейчас очень красива и, кажется, немножечко пьяна. А Фиахна и впрямь побледнел.

– Сегодня что, день исполнения желаний? – Джерри вертел меж ладоней свой вновь опустевший кубок. – А можно мне тоже загадать?

Эльф недобро улыбнулся ему.

– Хочешь ещё чудес? Тогда сыграй со мной в фидхелл. Выиграешь – и я исполню всё, что пожелаешь. Проиграешь – и я наложу на тебя гейс.

Джерри вздохнул.

– Условие было бы ничего. Вот только я совсем не умею играть в фидхелл.

– Ты можешь выставить поединщика вместо себя, – Фиахна не смотрел на него, он всё ещё пожирал взглядом Розмари. – Но учти: желание я исполню твоё. А мой гейс в случае проигрыша достанется тому, кто играл. Ну что, найдутся ли смельчаки?

– Я бы сыграл.

– И я!

Мартин и Шон отозвались почти одновременно.

– Знать, хорошее у тебя желание, раз сколько заступников выискалось, – в голосе Фиахны прозвучало уважение.

– Или хорошие друзья, – Джерри счастливо улыбался.

Элмерику подумалось, что тому уже и никакого желания не нужно: вон как сияет.

Музыка заиграла быстрее. Бард провернул Розмари под рукой и чуть не налетел на мастера Патрика и Келликейт. Старик отплясывал, будто скинул лет сорок, и да, Мартин не соврал: его брат был действительно хорошим танцором. Значит, не только книжки в юности читал.

Вот такой праздник Элмерику был по душе. Возможно, он всё-таки ошибался насчёт Фиахны. Эх, жаль, что нельзя было пригласить Ллиун. Ей бы тоже наверняка понравилось...

Тем временем эльф выбрал себе в противники Мартина, заявив, что на таких условиях с родственниками не играет, и они принялись расставлять фигурки воинов – чёрные и белые.

– Ты будешь атаковать, а я защищаться. Я король, попробуй меня сместить, – доску для фидхелла, которую Фиахна достал, покопавшись в зарослях плюща, обрамляли выжженные узоры; сперва Элмерик подумал, что это обычная вязь, но потом понял, что это тела змей, переплетённые причудливым образом.

– Не смотри туда-та! – прошипела Розмари. – Танцуй со мной!

– Роз, я уже устал! – бард и правда тяжело дышал.

– Даже мастер Патрик ещё не выдохся-та, а ты... слабак!

Элмерик прокрутил её под рукой, едва не запутавшись в длинном рукаве.

– У тебя что, новое платье?

Помнится, прежде Розмари не носила ничего подобного – оно и понятно: кому охота влезть длинным рукавом в муку или в начинку для пирога?

– А ты только сейчас заметил-та? Ну ва-аще! Так-та оно старое. Я к нему только рукава новые приделала. Ладно, иди уже, смотри свой фидхелл. Я найду, с кем ещё потанцевать-та.

Тем временем за столом уже разыгралось нешуточное сражение. Мартин атаковал с четырёх сторон, Фиахна защищался, но положение его было незавидным. Ход партии ещё не раз мог измениться, но сейчас Элмерик бы поставил на то, что белый король – вырезанный из кости эльфийский всадник, чем-то неуловимо напоминающий самого Фиахну, – не удержит холм и падёт.

Рыцарь Сентября то и дело рвался подсказать, но в последний момент спохватывался и закрывал рот. Сперва Элмерик думал, что тот болеет за отца, но оказалось, что за Мартина. Джерри в происходящем вообще ничего не понимал, но смотрел, затаив дыхание. Барду было интересно: что

же он загадает? Ну, если Мартин, конечно, выиграет.

Вскоре ситуация на поле переменилась. Фиахна сиял, переставляя белых воинов, перед ним высилась кучка «убитых» чёрных, Мартин всё дольше думал перед каждым ходом, а костяной король неумолимо приближался к краю доски.

В этот момент Элмерик почувствовал, как воздух пришёл в движение. Так уже бывало: бардическое искусство сделало его более чувствительным к чужой магии. Ничего особенного: просто в зале кто-то колдует. Магии тут и без того было предостаточно. Наверное, Фиахна подновлял свои иллюзии, только и всего.

И вот белый король достиг угловой клетки. Раздосадованный Мартин ударил по столу кулаком. Фиахна, вскочив, испустил победный вопль, а Джерри одновременно с ним разочарованно выругался.

Рыцарь Сентября хлопнул Мартина по плечу:

– Ну, мужайся, Март.

– Да что я, злодей какой, что ли? – Фиахна вскинулся, поймав тяжёлый взгляд Шона. – Не обижу я твоего человека. Сегодня же праздник! Пускай и гейс будет тоже праздничным. Не отказываться от предложенной выпивки с нынешней ночи и до самого Бельтайна! Пусть тебе тоже будет весело, смертный друг моего бессмертного сына!

– Да, пожалуй, за такой короткий срок я не успею окончательно спиться. Если только некоторые шутки ради не нач-

нут усердствовать, – усмехнулся Мартин, но Элмерик разглядел в его взгляде тень тревоги.

Рыцарь Сентября тоже выглядел обеспокоенным.

– Отец, я надеюсь, к нам в ближайшее время не собирается погостить королева Медб?

Фиахна потёр переносицу.

– Вроде нет, а что?.. А-а-а! – до него вдруг дошло. – Её старый трюк с чашей? Ерунда! Она сюда не собирается. А если и соберётся, то предупредит заранее. Она обещала. Ох, и тяжело бывает с женщинами... Особенно когда они королевы. А ведь Медб – даже не худшая из них.

– Ты имеешь в виду тётушку Оону?

Голос рыцаря Сентября потеплел, напряжённые плечи расслабились. Кажется, даже Мартин не злился из-за проигрыша. Один Джерри до сих пор кусал губы так, что на нижней выступила капля крови.

– Как хорошо, что на ней женился Финварра, а не я! – Фиахна подставил Шону кубок, чтобы тот наполнил его. – Но, вообще-то, я имел в виду Калэх.

Рука Шона дрогнула, и несколько капель вина пролились на стол. Он хотел что-то сказать, но Джерри успел встрять раньше:

– Уже не первый раз слышу это имя. Кто такая эта Калэх?

– Королева Зимы, – рыцарь Сентября вздохнул. – Только не вздумайте даже упоминать её имя при Каллахане! Это может плохо кончиться.

– А они что, ничего не знают? – Фиахна недовольно нахмурился. – Думаю, стоит им рассказать. Многие беды в этом мире вершатся от незнания, по случайности или недо-
смотре.

Он сделал знак рукой – и музыка прекратилась, дриады исчезли.

Шон, на мгновение задумавшись, кивнул.

– Может, ты и прав, отец. Мы часто скрываем важные вещи, чтобы оградить близких от опасного знания. И это выходит нам боком.

Взгляд эльфа остановился на Розмари. Та как раз наполнила кубок родниковой водой и жадно осушила его до дна, а потом ещё и умыла разгоряченное после танцев лицо.

– Прекрасная Роз, ты сядешь рядом со мной, чтобы лучше слышать историю?

– Не-а, мне-та и отсюда всё прекрасно слышно! – девушка присела на камни у источника.

Фиахна, помрачнев, скрипнул зубами.

– Ладно, – он положил руки на стол ладонями вниз и слегка подался вперёд, – Тогда слушайте. А Шон подскажет, если я что-то упущу.

История о королевах времён года, рассказанная Фиахной и Шоном

В стародавние времена, когда наш мир был юн и королев-

ства эльфов ещё не разделились на Благие и Неблагие, жили в волшебном краю четыре девы. Все они были прекрасны ликом и статью, и ни одна не походила на другую. Их имена слышал и повторял каждый лесной зверь, каждый ручей или куст в лесу: Кериллейт, Медб, Оона и Калэх – вот как их звали. Говорят, сама Прародительница вручила им четыре короны и дала ключи от врат весны, лета, осени и зимы. И не было никаких земель у них во владении, ибо власть их была неизмеримо больше.

Однажды на пиру у Прародительницы, где присутствовали все четыре девы, появился Ритерх-хитрец – спутник всех ссор. И сказал он:

– Ах, как красивы зима, весна, лето и осень! Радует сердце! Но не могу понять: кто же из них прекраснее?

Так упало первое зерно раздора в благодатную почву. Прежде не мерялись девы ни красотой, ни силой, а теперь крепко призадумались.

А ещё сказал Ритерх:

– Странно мне, что щедрая Прародительница не даровала королевам времён года землю во владение. Ведь даже какая-нибудь королева Миистых Зарослей или захудалый король Рябинового Ручья имеют свои угодья. Ах, я бы мечтал попасть в земли Вечной Весны, чтобы полюбоваться цветущими садами! Или зайти в королевство Вечной Осени, где золото листьев блестит ярче всех сокровищ света...

Так упало второе зерно раздора, ибо каждой из королев

захотелось обустроить мир на свой лад.

А Ритерх, улыбнувшись, снова возвысил голос:

– Если четырёх королев избрала Прародительница своею волей, то хотел бы я знать, где же их короли? Не должно ли нам выбрать достойных мужей под стать таким жёнам?

Так упало и проросло третье зерно раздора. Многие герои тут же захотели попытать счастья и стали просить Прародительницу назначить им испытания. А довольный Ритерх ушёл, потирая руки.

Напрасно Прародительница пыталась успокоить эльфов – те не желали слушать. На долгие годы не стало меж ними мира, а сезоны года сменяли друг друга в беспорядке: летом, бывало, шёл снег, зимой наступала оттепель, осенью цвели деревья, а весной желтели едва распустившиеся листья.

И вот первое зерно раздора принесло плоды.

Два воина, влюблённые в Кериллейт, сошлись в поединке не на жизнь, а на смерть. Королева Весны пыталась их остановить, но тщетно. Два меча пронзили плоть одновременно, и оба они пали к её ногам бездыханными. Заплакала тогда Кериллейт – ведь и тот, и другой были одинаково дороги её сердцу, и не хотела она выбирать между ними. Бросила Кериллейт свою корону из веток цветущей сливы наземь. Напрасно утешала ее Прародительница: в тот год весна так и не наступила. А когда отгорели костры Бельтайна, Кериллейт взяла белую ладью, оттолкнулась веслом от берега и уплыла в Мир-под-волной, чтобы предаваться

там скорби.

Прародительница же сказала так:

– Не будет отныне другой королевы Весны, ибо её и быть не может.

А после добавила:

– Чтобы пресечь распри, я выберу королей времён года. Но не из ныне живущих, нет. Пусть этот титул носят те, кто ещё не родился. Вы узрите на них мою метку при рождении или после. Но точно узнаете их.

Чтобы мир смог проснуться от зимнего сна, она призвала белых весенних дев. Их было не счесть, и трудились они неустанно, исполняя свой долг. Но, говорят, это была уже другая весна – не такая чудесная, как при Кериллейт.

Второе зерно раздора тоже принесло плоды.

Отныне не могло пройти и дня, чтобы не повздорили Оона и Медб. Даже если они не встречались, всё равно одна за глаза поносила другую. Большие всех слов на свете запали им в душу речи Ритерха-хитреца о прекраснейшей из королев.

Улучив момент, подловили они Ритерха на пиру и спросили:

– И как же нам узнать, кто из нас прекраснее?

– Взгляните на Прародительницу, – усмехнулся тот. – Что есть у неё и чего нет у вас?

– Обширные владения, – сказала Оона.

– Власть над всеми эльфами, – сказала Медб.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – Ритерх хлопнул в ладоши

и исчез.

Минули века, а королевы всё состязаются меж собой, не в силах прекратить этот спор. Ныне Медб стала королевой Благого двора, Оона – Неблагого. Обе они правят эльфами. Обе сильны, но равенство сил тяготит их, и каждая мечтает пошатнуть его.

Третье же зерно раздора долго не давало всходов.

Калэх-зима была самой спокойной и мудрой из королев. Её не интересовали пиры и турниры, не касались дразги Ооны и Медб. Для жизни она выбрала уединённый северный холм. Там Калэх пряла пряжу и в урочный час опутывала белыми нитями весь мир. Тогда наступала зима. Говорили, что она может спрядать и соткать не только снежные одежды для земли, но и саму судьбу...

А надобно сказать, что эльфам в те времена не было житья от фоморов. Могучие великаны разоряли эльфийские земли и никого не щадили. Холод был им привычен и люб, поэтому свои набеги они вершили чаще всего зимой. И в один из дней эльфы возроптали:

– Мать-Прародительница, прикажи же: пускай Калэх больше не прядёт свои нити! Тогда не придут зимние холода, а с ними и фоморы.

Калэх, прознав про эти речи, сама пришла ко двору держать ответ.

– Не потому приходят фоморы, что наступает зима. А потому, что вы слишком слабы, чтобы победить их, – ска-

зала она.

Усовестились эльфы и оставили её в покое.

Зерно замерло до поры, но не умерло, и вновь зашевелилось, когда пришла пора Прародительнице отправиться в Аннуин – надолго, а может, и навсегда. На прощальном пире она объявила своей преемницей Калэх. Медб и Оона чуть не лопнули от злости и зависти, а королева Зимы молвила так:

– Я не гожусь для трона, Мать всех эльфов. Избери кого-нибудь другого.

Вздыхнула Прародительница, предчувствуя неминуемые беды. Но согласилась:

– Будь по-твоему. Тогда пускай правит король Финнлуи. Ему я вверяю всё.

Финнлуи, чьё имя означало «белое сияние», был горд и горяч, как солнце, светящее в вышине. Во времена его правления одна война сменяла другую, рушились и вновь возникали королевства. Он загнал фоморов на дальние острова и самолично сделал цепь, которой приковал Бэлеара, короля фоморов, к скале посреди моря. И хотя набегι после этого не прекратились, они стали такими редкими, что эльфы вздохнули свободно... чтобы с прежним пылом погрузиться уже в междоусобные войны.

Могучий Финнлуи собственными руками зарубил в поединке мужа Ооны – короля Неистовых Бурь – и присвоил его земли, так же как земли многих других королей. Он

изгнал из своих земель и Медб, вздумавшую свергнуть его: с той поры, говорят, во владениях Финнлуи всегда было холодное лето.

Многие эльфы встали тогда на сторону Медб и принесли ей вассальные клятвы. Так произошёл раскол эльфийских королевств на два – Благой и Неблагой дворы. Она злилась пуще всех: её соперница своими руками завоевала себе королевство, тогда как она сама осталась ни с чем. Ненужная ни Медб, ни Финнлуи, она надолго пропала с глаз.

Калэх же была недовольна и сказала, что не вечно будет стоять Благой двор, ибо его не было в замысле Прародительницы. Впрочем, препятствий Медб она чинить не стала.

А спустя несколько лет Финнлуи задрал на охоте белый вепрь. Подданные гадали: чья же рука его направила? Ведь, с одной стороны, все дикие свиньи посвящены королеве Медб, а с другой – все белоснежные звери и птицы принадлежат королеве Калэх.

К тому времени у Финнлуи уже было два взрослых сына, и престол Неблагого двора унаследовал старший из них – Финварра. В день его коронации проклятый Бэлеар разорвал цепи и сбежал. Потом говорили, что белые птицы расклевали серебряные звенья, и в том тоже многие увидели руку Калэх.

Когда её о том спросили, она не стала ничего отрицать: – Бэлеару уготована другая судьба. Ещё не родился на

свет ни тот, кто заключит его в клеть, ни тот, кто его убьёт. Нам же всем стоит вспомнить, что следует держаться своих, а не сеять вражду. Пускай те, кто ненавидел Финнлуи, примирятся с его сыном, ведь тот пока ничем себя не запятнал.

Увы, немногие её поняли. Медб во всеуслышание запретила Калэх появляться в своих землях. Финварра же, не проотивий гибели отца, сказал так:

– Когда я смотрю на тебя, королева Зимы, во мне закипает гнев, и я боюсь, что однажды не сдержу руку. Уходи подальше, теперь лишь раз в году я открою тебе двери: на Самайн. Ведь это твоё время.

С тех пор Калэх переселилась на северные острова. Настолько далёкие, что говорили, будто половина их лежит с эльфийской стороны мира, а другая половина сокрыта в землях фоморов. Но её не смущало подобное соседство: Бэлеар ни за что бы не тронул свою освободительницу. Раз в год она по-прежнему присылала к Финварре гонцов: белых птиц и зверей, приносящих нити и полотна зимы. В стране же Медб царило вечное лето.

Когда Финварра женился на Ооне, возвратив ей и земли, и власть, соперничество королев Лета и Осени вспыхнуло с новой силой, а о Калэх позабыли на долгие годы. Но в тот день, когда на свет появились близнецы – сыновья Финварры, – она явилась ко двору, чтобы взглянуть на них, и осталась очень довольна увиденным:

– Воистину, благословен этот час! Ибо вижу я отметины, о которых говорила Прародительница. Помяните моё слово: оба этих мальчика станут королями.

И задумчиво добавила, глядя на того близнеца, у которого были белоснежные волосы и кожа:

– А этот как будто бы мой...

– Дитя – не зверь и не птица, он не будет посвящен тебе, – возразил Финварра, но Калэх лишь рассмеялась в ответ.

– Наши нити уже сплелись. Посмотрим теперь, какой узор из них сложится.

И тогда Финварра изгнал зиму из своих земель. Он запретил даже упоминать имя Калэх в своем королевстве. Но судьба распорядилась иначе: подросший принц нашёл портрет королевы Зимы и влюбился в неё без памяти. Финварра, поняв, что сын его может умереть от тоски, скрепя сердце, разрешил ему отправиться на поиски возлюбленной – на дальние северные острова, в самое сердце густых туманов. Вместе с юным принцем Каллаханом в плавание отправился его кузен Шон, а брат-близнец Браннан остался с отцом, чтобы на случай, если Каллахан не вернётся, у короля Финварры остался хотя бы один наследник.

Долгим и трудным было их путешествие, но вот, пройдя все испытания, они прибыли на зачарованный снежный остров. Калэх сама встретила их на пороге своего замка.

– Я знала, что ты придёшь, – сказала она Каллахану. – Так уж соткалось.

– Выходит, мы и впрямь предназначены друг другу? – обрадовался принц.

– И да, и нет. Ты всё сам поймёшь, если поживёшь немного тут, со мной, и задашь свои вопросы. Но знай: я буду отвечать лишь на один вопрос в день.

Каллахан с радостью принял её приглашение.

– Говорят, ты убила моего деда, будучи в сговоре с Медб, – спросил он в первый день. – Зачем?

– Нетрудно сказать, – усмехнулась Калэх. – Его правление сеяло хаос в эльфийских землях. Очень скоро стало бы не два королевства, а четыре. Потом восемь. Двенадцать... И эльфы большие никогда не смогли бы верить собратьям. Кто-то считает, что я совершила зло, но на самом деле я поступила верно.

– А для чего ты освободила Бэлеара? – спросил Каллахан на заре второго дня. – Разве он не враг тебе и всем нам?

– Именно поэтому и освободила, – Калэх тряхнула тяжёлыми косами, чёрными, как сама ночь. – Эльфам нужен неприятель, иначе они пожрут самих себя, опьянённые радостью битв.

– Почему тогда фоморы не нападают? – спросил принц на третий день. – Неужели они ещё не накопили сил за столько лет?

Королева Зимы вздохнула:

– Ты так и не понял? Я сдерживаю их. Но когда-нибудь моих сил не хватит. И тогда ты отправишь их далеко-да-

леко отсюда на многие годы. Я научу как.

— Почему же ты не сделаешь этого сама? — на четвёртый день пребывания в снежном замке у Калллахана уже зуб на зуб не попадал от холода. — Ведь ты сильнее меня, я это чувствую.

— У каждого своя сила. И своё предназначение. Не замёрз ещё?

Каллахан помотал головой.

— Будь осторожен, мой дорогой принц, — предупредила Калэх. — Холод коварен и может убить даже эльфов. Стоит ли любопытство жизни?

— Ты станешь моей женой? — спросил принц на пятый день, зная, что этот вопрос, возможно, последний: больше ни он, ни Шон такого холода не выдержат.

Лицо Калэх тотчас же потемнело.

— Я могла бы сказать «да», мой дорогой принц. Ведь ты по душе мне. Твоя летняя сила ещё не вошла в полную мощь, но я чувствую, что наш союз мог бы пойти на пользу обоим, и наша чародейская сила возросла бы взаимно. Но нити судьбы всегда плетутся не останавливаясь. Даже я не могу сказать, чем завершится полотно. Хочешь заглянуть в будущее? Имей в виду: картины могут быть туманными.

Каллахан кивнул, и Калэх села за прялку. Напевая, она сучила тугую нить. Он знал эту песню, принялся подпевать — и вдруг поперхнулся воздухом.

Ворох поворотов судьбы, ворох возможностей — все они

были как на ладони. Рассудок едва справлялся, сознание уплывало... но было ясно одно: счастье с Калэх сулило гибель эльфийским королевствам, когда как разлука обернулась бы процветанием. От досады Каллахан вскрикнул, и видение исчезло.

– Спроси меня снова, – сказала Калэх. – Но знай: если ты снова предложишь мне выйти за тебя, я отвечу «да». И будь что будет.

– Нет, – покачал головой Каллахан. – Хоть я и люблю тебя всем сердцем, но я – будущий король. А кто-то говорит, что я уже сейчас король Лета, хоть я пока и не знаю, что это значит. Мы не должны так поступать.

– Значит, ты настоящий король, – согласилась Калэх, но её тёмные глаза наполнились печалью. – Что ж, будь по-твоему. Тогда того вопроса, считай, что не было. Задавай другой.

Каллахан взял её руки в свои.

– Я видел, как ты пряла и ткала, и понял, что порой ты сама можешь вплетать в ткань судьбы то, что захочешь. А сумеешь ли удалить то, что уже было выткано? Сделать так, чтобы я забыл тебя и то, что мы вообще встречались?

Повинуясь порыву, королева Зимы поцеловала его в губы.

– Я никогда не пробовала. Но попробую прямо сейчас. Затку твою память. Ты забудешь моё имя и лицо и не вспомнишь до поры, пока мы снова не встретимся. И тут уж не

обессудь: всё тотчас же вернётся: и воспоминания, и любовь... А теперь закрой глаза и спи.

Прялка мерно постукивала, когда Калэх ловко подменяла одни нити другими, и Каллахан погрузился в сон. А очнувшись уже на корабле, плывущем домой. Конечно же, он расспрашивал, что произошло. И Шон рассказывал ему, но его слова вылетали у Каллахана из головы, будто бы их выдувал ветер. В конце концов Шон решил больше не искушать судьбу.

В волшебных холмах, где не бывает настоящей зимы, было очень легко не вспоминать о ней. А вот в землях людей, когда выпадает снег, Каллахан каждый год испытывает смутную тоску, но не знает, откуда берётся это чувство.

И там, и здесь в ночи порой слышится далёкий стук прялки. Всё потому, что нити ещё плетутся, и никто не знает, каким в итоге выйдет это полотно.

Элмерик только сейчас понял, что в какой-то миг Шон сменил Фиахну и принялся рассказывать дальше. Конечно, ведь это он был в снежном замке вместе с Каллаханом и видел всё, что случилось, собственными глазами.

– И где сейчас эта Калэх-та? – Розмари ещё в середине рассказа подошла ближе: видать, стало интересно; теперь она сидела за спиной у Фиахны.

Тот обернулся на голос.

– Никто больше не видел её. Наверное, всё ещё живёт на своём снежном острове, плетёт нити, следит за миром. Я

слышал, у людей зима всегда наступает вовремя.

– А почему тогда Каллахан забыл ещё и Олнуэн? – Джерри потёр лоб.

Ему ответил не Фиахна, а Шон:

– Мы тоже задумывались об этом. Наверное, Калэх просто ревнива. Вот и заткала это тоже.

– А этому Ритерху кто-нибудь морду начистил? Кто он такой вообще? – глаза Джерримэйна сверкнули праведным гневом.

– Поверь, его били и не раз. Не помогает. – рыцарь Сентября хрустнул костяшками пальцев так яростно, что бард в тот же миг понял: мастер Шон не раз учил зарвавшегося хитреца уму-разуму. – Сейчас Ритерх живёт при дворе королевы Медб, он – Рыцарь Июня. Только там его ещё терпят. Не то что наши короли.

Короли... Элмерика вдруг осенило, что все наветы принца Грозных Дней были напрасными. Каллахан вовсе не бросил своё королевство, как думали Эйвеон и Браннан, – напротив, во имя мира и процветания он отдал самое дорогое. И никто не смел просить у него больше.

– А ты не рассказывал мне про Калэх... – в голосе Мартина послышался лёгкий упрёк.

Рыцарь Сентября пожал плечами.

– Ни к чему было ворошить прошлое, Март.

– Да? И что же теперь изменилось?

– Не злись. Времена настали другие. Помнишь, я говорил,

что Калэх предсказала, будто именно Каллахан запечатает фоморов? Так вот, он сделал это. Калэх сказала, что пройдут годы, и те вырвутся на свободу. Теперь это тоже случилось.

– И что это значит? – Мартин сложил руки под подбородком.

Шон пожал плечами.

– Я знаю одно: нельзя допустить, чтобы они вновь встретились...

Воцарилось напряжённое молчание, которое нарушил неугомонный Фиахна.

– Может, ещё потанцуем? А то праздник всё-таки... – он протянул руку Розмари, и та после недолгого раздумья согласилась.

Дриады больше не появились, но музыка всё равно играла. Кажется, это пел сам источник. Чудесная мелодия звенела, будто бы капли били по невидимым струнам. И Элмерик, повинувшись зову сердца, всё-таки достал флейту, чтобы подыграть. Раздражение ушло, он больше не ненавидел Фиахну. Правда, и любить его больше тоже не стал. Но хоть так.

Едва они закончили танцевать, по зале разнёсся разочарованный возглас Флориана. Он попытался взять сестру за руку, но пальцы схватили лишь воздух. Начинало светать, и Эллифлор снова развоплощалась.

– Прости, – Фиахна положил руку ему на плечо. – Ночь на исходе, и её время тоже.

Увидев отчаяние во взгляде Флориана, он отвёл взгляд и

поспешил пояснить:

– Пойми, я не всемогущ. Она мертва, а я не умею воскрешать. Просто у меня есть гейс: когда полнолуние совпадает с праздником колеса года, я должен выполнить одно желание мертвого, даже самое невозможное. Благо само это время полнится волшебством и даёт мне силу творить чудеса, на которые я не способен в другие дни. Но с рассветом всё возвращается на круги своя.

– А моя нога? – мастер Патрик стоял крепко, но вдруг покачнулся; Мартин бросился к нему, чтобы подхватить.

– Такое чудо мне по плечу, – Фиахна протянул ему свой кубок. – Ты исцелён. Выпей за моё здоровье.

– Но как же ты смог узнать моё заветное желание? – прошелестела Эллифлор; в её разноцветных глазах стояли слёзы. – Разве гейс позволяет тебе слышать мысли мёртвых?

– Нет. Я исполнил желание твоего брата.

Флориан кусал губы. В его глазах застыло нечто такое, отчего Элмерику стало жутко.

– Мы с этим справимся, родной, – шепнула Эллифлор, и брат кивнул ей.

– Но... я же хотел как лучше, – даже в полумраке лесной залы было видно, как Фиахна побледнел; его взгляд стал жалобным, как у потерявшегося пса.

Флориан встал и низко поклонился эльфу. Эллифлор последовала его примеру, а выпрямившись, добавила:

– Вообще-то, это лучший праздник, что был у меня с тех

пор, как я умерла.

Глава пятая

Элмерик провалился в сон, едва голова коснулась подушки. Он снова оказался в знакомом месте и, не сдержавшись, выругался вслух, узнав зелёные холмы, каменные ограды и треклятые колокольчики, звенящие от каждого его шага. Вот только небо, бывшее прежде голубым, стало почему-то тёмным и низким. В Медовых лугах царили тревожные сумерки. Строй колокольчиков тоже был нарушен: их невыносимая фальшь резала чуткие уши барда.

Он знал, что это сон. Хотел уйти, но не мог.

– Это уже не смешно, знаешь ли! – он задрал голову к небесам. – Ты когда-нибудь оставишь меня в покое?

Определенно это были земли Брендалин, но сама хозяйка отчего-то не спешила показываться на глаза.

– Чего ты добиваешься? – разговаривать с пустотой было глупо, но Элмерик слишком разнервничался, а звук собственного голоса его немного успокаивал. – Я больше не верю тебе. Можешь даже не утруждать себя разговорами.

Сперва барду почудилось, что он слышит эхо. Но, прислушавшись получше, он понял, что какой-то далёкий голос раз за разом повторяет его имя. Он негодуяще фыркнул и не отозвался.

Так, что там нужно было делать, чтобы проснуться? Элмерик от души ущипнул себя за щёку – не помогло. Ясное

дело: сон-то был не простым, а наведённым.

Голос Брендалин стал чуть громче. Стало слышно отчётливое: «помоги». Небо почернело, сверкнула молния, за ней последовал оглушительный раскат грома. Но дождь никак не начинался. Следующая молния ударила в деревце, росшее на склоне совсем рядом с ним, и бард помчался со всех ног к низким кустам шиповника – в укрытие. Сильный порыв ветра отбросил его назад к открытому пространству.

– Что бы ты там ни задумала, прекрати! – Элмерик пригнулся и кубарем скатился вниз по склону, и никакой ветер был ему не страшен.

– Сон... беда... кажи... – просвистело в ушах.

Колокольцы жалобно звякнули, когда он шлёпнулся на них и закатился под спасительную сень куста. Брендалин кричала что-то ещё, но беспрестанно грохочущий гром заглушал слова.

А Элмерик вдруг припомнил, как Ллиун выводила его из кошмара. Он протянул руку вперёд, представил, что касается плеча лианнан ши, и шагнул напрямик в колючие кусты.

– Ай, больно!

Ветки хлестали его по лицу. Или уже не ветки? Со звонкими шлепками по его щекам била чья-то крепкая ладонь, а волосы и постель были насквозь мокрыми от воды...

– Эй! Да хватит уже! – бард оттолкнул от себя Джеримэйна – виновника его не самого счастливого пробуждения.

Тот отпрыгнул и приготовился дать сдачи, но, увидев, что

Элмерик и не думает драться, с облегчением выдохнул:

– Уф, слава богам, получилось!

– Ты спятил, что ли? – Элмерик схватился ладонями за щёки, горевшие огнём.

– А чём ты орал, как резаный и не просыпался? – Джеримэйн опустился на табурет; его лоб был усеян бисеринками пота.

Бард огляделся: он был не в тех покоях, которые отвёл ему Фиахна (на верхнем этаже рядом со своими), а в старой комнате мальчиков, где сейчас спал один Джерри.

– Почему я здесь?

– А ты не дошёл. Умаялся на празднике, сказал, что ноги не держат. И, мол, к бесам болотным ваши лестницы, буду спать здесь! А я-то только успел порадоваться, что от тебя избавился!

– И поэтому ты решил меня побить, да? Чтобы я в следующий раз предпочёл лестницы? Не отпирайся, я тебя раскусил. – Элмерик поморщился и тут же охнул. – Водички дай.

– А больше нету. Я всю на тебя выплеснул, когда не мог добудиться.

– Угу... спасибо, кстати.

Джеримэйн едва не брякнулся с табурета в притворном обмороке.

– Кажись, теперь я сплю. Ты что только что сказал? Спасибо? Мне?

– А кому же ещё, болван? – проворчал Элмерик, откиды-

ваясь на подушки. – Можно подумать, в первый раз...

Кажется, Джеримэйн снова спас ему жизнь. И если прежде они были квиты, то теперь бард снова задолжал ему.

– Чего тебе снилось? – Джерри заполз на табурет, подтянув к себе босые ступни.

– Брендалин.

– До сих пор неймётся ей? Вот же мерзкая стерва!

– Ага. Знаешь, там что-то странное происходит. Мне кажется, она просила меня о помощи.

– А не брешет? – Джерри сунул руку под свой матрас и достал трубку. – Короче, я бы на твоём месте её не слушал. Брось, плюнь и разотри.

– А с каких это пор ты куришь? – Элмерик сел на постели и принялся сдирать с себя мокрую рубаху, а то так ведь и простудиться недолго.

– С таких. Не меняй тему, – он набил табак.

– Может, и лжёт – с неё станется, – бард мотнул головой; в стороны полетели брызги, от которых Джеримэйн, испустив недовольное «э», закрылся рукой. – Я запомнил три слова: «сон», «беда» и «кажи». Может, это было «расскажи»?

– И кому ты собираешься об этом рассказывать? – Джерри выдохнул кольцо дыма и закашлялся; кажется, курить ему было всё ещё в новинку.

– Ну... вот тебе рассказал.

– Моё мнение ты слышал, – после кашля его голос чуть

осип, появилась лёгкая хрипотца. – Шли её к бесам! Ты ведь не влюблён в неё больше?

– Нет, конечно!

– Это правильно, – Джерри протянул ему трубку. – Хочешь затянуться?

– Нельзя, – развёл руками бард. – У меня же голос.

Попробовать, если честно, хотелось, но он сдержался.

– Ах, голос! Ну конечно, – тонко пропищал Джерри.

Элмерик вздохнул. Ну что за человек такой! Только что ведь нормально разговаривали – надо же было опять всё испортить!

* * *

– Так ты пойдёшь со мной на подвиги, мой доблестный оруженосец? – Фиахна заметил его на другом конце коридора и помахал барду рукой.

Элмерику ничего не оставалось, кроме как подойти.

– Что вы задумали?

Хотелось ещё спросить «и зачем так вырядились?», но бард вежливо промолчал. Больше всего в одежде наместника его удивила шапка из фиолетового сукна, отороченная волчьим мехом.

– Во-первых, не «вы», а «ты». У эльфов «выкать» не принято. А во-вторых, я иду взглянуть в лицо самой смерти. Ну, в смысле – потолковать с этой вашей баныши. – Фиахна при-

осанился и заправил под шапку выбившуюся прядь.

– О, тогда я с вами! – Элмерик подпрыгнул на месте от нетерпения. – То есть с тобой. Давно хотел узнать, по чью она душу и не хочет ли отправиться туда, откуда пришла.

– Баньши требуют к себе уважения, молодой человек, – подняв палец, Фиахна очень точно скопировал интонации мастера Патрика. – Давай, шапку надень, и бегом.

– Зачем шапку? – не понял Элмерик.

– А бес её знает. Не любит почему-то, когда приходят с непокрытой головой. Не хочет разговаривать – прячется.

Теперь барду стало понятно, почему старуха скрывалась от них. Вовсе не от стеснения. А от чернолесских крестьян не бегала: те не только весной, но и даже летом порой в шапках ходят – чтобы голову в поле не напекло.

Королевская баньши как раз недавно покинула мост и облюбовала одну из башен – ту, на которой не висело флагов. Может, ей не нравилось, как те полощутся на ветру. А может, она решила, что на пустом шпиле сама будет смотреться уместнее: ведь её драная накидка тоже напоминала жутковатый стяг.

Фиахна высунулся сквозь слуховое окно. Его шапку чуть не сдуло ветром, но эльф успел придержать её рукой. Баньши оскалилась в его сторону (а может, улыбнулась – кто их разберёт?) и попыталась отползти подальше, но наместник шепнул себе под нос пару слов, едва заметно шевельнув пальцами, – и вестница смерти намертво приклеилась к месту. По-

няв, что произошло, она жалобно заскулила.

– Ну-ну, тише...

Фиахна выбрался на крышу, и Элмерик вылез следом с ним. Голова закружилась от небывалой высоты. Так вот, оказывается, каким видят Чернолесье птицы! Ничего себе!

– О ком ты плачешь? – без лишних предисловий спросил наместник. – Признавайся: кому из королей суждено отправиться в Аннуин? Не мне ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.